О. Германъ (Подмошенскій)

Святитель Аверкій Джорданвилльскій

Святитель Аверкій Джорданвилльскій

— ГЕРОЙ СВЯТО РУССКОЙ СОВѢСТИ

Святитель Аверкій (Таушевъ). †1976 г.

Библіотека Журнала "Русскій Паломникъ"

Святитель Аверкій Джорданвилльскій

— герой свято-русской совѣсти

О. Германъ (Подмошенскій)

Валаамское Общество Америки
Москва, 2009

ISBN:978-5-98644-014-9

ООО "Издательскій Домъ "Русскій Паломникъ".:
Москва а-я-17, 127051, Россія. Тел. +7 (495) 77-111-75.
www.idrp.ru

Предисловіе

О немъ говорили какъ о "Златоустѣ", какъ о "Богословѣ", какъ "Великомъ Святителѣ", "Равноапостольномъ", носившимъ это наименованіе со дня его пострига въ честь Аверкія Равноапостольнаго, Святителя Іеропольскаго. Онъ былъ миссіонеръ, проповѣдникъ, учитель юношества и церковный публицистъ, писатель, толкователь Священнаго Писанія, духовникъ, наставникъ, администраторъ духовѣденія и исповѣдникъ. Мы его знали съ начала его святительства и почти до самыя его святыя кончины. И мы не ошибемся, если смѣло скажемъ, что это былъ живой Печальникъ Св. Руси, той старой Руси и Руси въ изгнаніи. Печаль эта какъ "облако свидѣтельства" витала надъ его постоянно сосредоточенномъ обликомъ, она иногда свѣтилась внутреннимъ озареніемъ, то умилялась или слезоточила. Но больше всего онъ воздыхалъ, скорбя о потерянномъ раѣ.

Архіепископъ Аверкій - это явленіе чисто святорусское, лишенное своей земли, корней и русскаго духа,

воздыхающее по своей жизни, не могущей примириться съ падшимъ міромъ, переустроиться, измѣниться. И эта тяга къ неусыпающему идеалу прошлой Руси не была чѣмъ-то нуднымъ и безысходнымъ, но наоборотъ, она источала внутреннюю надѣжду и умиляла сердце, любящее Христа.

Намъ посчастливилось его знать и хочется подѣлиться памятью о немъ съ тѣми душами, которымъ, можетъ быть, полезно познакомиться съ такимъ русскимъ героемъ нашего незабвеннаго прошлаго, столь запачканнаго ложью Христовыхъ враговъ. Да проститъ читатель насъ за неуклюжество наше.

Ниже приводимое краткое жизнеописаніе не претендуетъ на полноту, а является лишь бѣглымъ наброскомъ моихъ личныхъ воспоминаній. Господь сподобилъ наше православное общество ораторомъ Божьей милости, современнымъ Златоустомъ. Въ печали соей за русскій народъ, особенно переживалъ онъ, что молодое поколѣніе, не получившее православного назиданія и естественно требующее геройства, идетъ въ страну далече и поклоняется злымъ жрецамъ, спасеніе отъ которыхъ иногда бываетъ невозможнымъ. Мало просто отрицать и сторониться зла, что естественно нужно дѣлать, но какъ говоритъ святой пророкъ псалмопѣвецъ: «отойди отъ зла и сотвори благо», т. е. надо на мѣсто этого зла водворить творчески созданное Богоугодное дѣло. Нужно использовать молодую энергію въ творческой дѣятельности, вдохновляясь святыми отцами -

оградителями отъ конфуза злыхъ чаръ. Я вспоминаю съ какой любовью и радостнымъ благоговѣніемъ Владыка Аверкій поминалъ Святителя Игнатія Брянчанинова и Святителя Ѳеофана Затворника. Ему хотѣлось тѣмъ ощущеніемъ благодати, которой они обладали, какъ бы заразить молодое поколѣніе, дабы они, знакомясь съ этими святыми отцами загорѣлись бы и донесли пламя духовной ревности до поколенія слѣдующего.

Въ наше время даже образованные люди смотрятъ на вышеупомянутыхъ святителей какъ на узкихъ церковныхъ дѣятелей, говорящихъ на церковномъ языкѣ по выраженію Ленина: «для царства постного масла». Тѣмъ самымъ они какъ-бы отрѣшаютъ ихъ отъ свѣтской жизни, къ которой эти святители непремѣнно имѣютъ отношеніе. Они не просто монашествующая элита, а Богомъ посланные пророки мистическаго христіанства наканунѣ бунта въ Святой Руси противъ Богомъ установленнаго порядка. Они, какъ и самъ Архіепископъ Аверкій, ощущали стремительный ростъ духа Антихриста и указывали гдѣ находится вдохновеніе для жизни во Христѣ. Жизни, въ которой открывается потусторонній міръ, наполняющій смысломъ наше существованіе на землѣ.

Каждая молодая душа имѣетъ поэтическую жилку, это значитъ, что ощущеніе реальности имѣетъ идеалистическій налетъ красоты. Моя надежда на молодое поколеніе съ этой жилкой, на то чтобы они преподнесли этихъ героевъ, Святителей Игнатія и Ѳеофана, какъ вѣщателей счастья на землѣ, какъ начала счастья Вѣчного. Аминь.

Святитель Аверкій Джорданвилльскій.

1.

Образъ святителя

Открылись царскіе врата. Передъ народомъ всталъ святитель. Его облаченіе дѣлало его частью Византійской старины, его митра — по замыслу терновый вѣнецъ, больше похожа на нимбъ. Она вся какъ бы сіяла алмазами и драгоцѣнными камнями. Его облаченіе было тяжелое и твердое. Онъ сдѣлалъ широкое крестное знаменіе и закончилъ, положивъ руку на сердце. Онъ былъ высокъ, худощавъ, съ серебряной бородой и стоялъ съ закрытыми глазами. Его движенія вызывали вниманіе у слушателей. Когда онъ открылъ свои уста, полилась рѣчь удивительной красоты съ поэтическими образами, перемѣшанными со славянскими словами. Вотъ онъто могъ бы "глаголомъ жечь сердца людей", но на сей разъ онъ былъ спокоенъ и въ его голосѣ звучалъ миръ, миръ, исходящій изъ его внутренняго настроенія. Онъ почти нехотя останавливался, чтобы перевести духъ, такъ какъ то, что онъ говорилъ, было чрезвычайно

важно и, казалось, было бы опасно пропустить и единое слово. Когда на мигъ онъ открывалъ глаза, то ему было очевидно, что его слово дѣйствительно доходитъ до слушателей, и онъ продолжалъ.

Смеркалось. Вечерніе лучи багроваго цвѣта падали на солею, на которой онъ стоялъ. Наступилъ вечеръ. Его слово приготовляло къ Страстной седмицѣ. Я стоялъ и вслушивался въ сказанное, но многое не могъ понять, ибо внѣшній образъ былъ сильнѣе его слова, пока, затаивъ дыханіе, я не уловилъ смыслъ его рѣчи. Онъ говорилъ, что самое главное въ жизни человѣка — это Истина и любовь человѣка къ ней.

Слово Истина есть священная реальность, оно должно произноситься со страхомъ и трепетомъ, ибо Христосъ есть воплотившаяся Истина. Этотъ представитель апостольской благодати вѣщалъ намъ, бездомнымъ сиротамъ, затерявшимся въ иновѣрномъ мірѣ, о необходимости расположить сердце къ воспріятію древняго Православія и жить имъ. Во время рѣчи голосъ его дрожалъ и обрывался, и вскорѣ полились слезы. Тутъ было чтото вродѣ исповѣди распятаго человѣка, стоящаго передъ тобой, какъ будто пришедшаго изъ другого вѣка, жалѣющаго тебя и желающаго тебѣ войти въ его прекрасный міръ древней Византіи, о чемъ напоминала вся обстановка съ иконостасомъ и древними иконами. Когда заблистали его слезы, то показалось, что это не былъ плачъ, а умиленіе. Это былъ Епископъ Аверкій, недавно ставшій святите-

лемъ, ректоръ семинаріи и духовный руководитель православной молодежи, которая оказалась въ чуждой Православію странѣ.

Его образъ вызывалъ чувство благоговѣнія и восхищенія, какъ передъ древней иконой.

Господь сподобилъ меня познакомиться съ Епископомъ Аверкіемъ и позднѣе даже принимать его въ нашемъ домѣ, когда онъ посѣщалъ городъ Бостонъ. Я сталъ участвовать въ кружкахъ Свято-Владимірской молодежи и нѣсколько лѣтъ до семинаріи былъ президентомъ нашего округа. Съ благословенія Еп. Аверкія я поступилъ въ семинарію. Это были самые счастливые годы моей жизни. По окончаніи ее, въ день выпуска я говорилъ рѣчь по-англійски отъ лица студентовъ. Въ этотъ день Владыка рукоположилъ меня во чтецы. Съ его благословенія я отправился въ паломничество на Аляску, къ самому святому мѣсту въ Америкѣ — на Еловый островъ къ Блаженному Старцу Герману Аляскинскому. Когда пришло время принять монашескій постригъ, то Владыка далъ мнѣ отцовское благословеніе, сказавъ мнѣ: “Вы давно готовы принять постригъ”.

Святитель Аверкій былъ явленіемъ вдохновляющимъ. Онъ плохо слышалъ и носилъ слуховой аппаратъ. Съ блаженнымъ выраженіемъ лица, онъ былъ невозмутимъ и, казалось, ничего его не тревожило. Но это не значило, что онъ не переживалъ многія непріятности, выпадавшія на его долю. Онъ былъ слегка

отрѣшенъ отъ шума и потока страстей повседневной жизни, былъ внутренне миренъ и носилъ въ своемъ сердцѣ старую излюбленную печаль — то была распятая Святая Русь. Онъ призывалъ молодежь и всѣхъ слушающихъ его къ усиленной молитвѣ, чтобы память о страждущей Родинѣ ни на мигъ не оставляла сыновъ ея и дочерей, которые оказались лишенными Россіи. Темы его разговоровъ часто переходили отъ внѣшнихъ событій къ глубокимъ заключеніямъ философскаго порядка и, углубляясь въ нихъ, онъ какъ бы забывалъ собесѣдника и внутренне призывалъ себя къ молитвѣ. Иногда, крестясь и моргая отъ наплыва слезъ, онъ, не закончивъ разговора, удалялся въ свои покои. Ему прощали и отходили въ сторону, получивъ призывный импульс къ молитвѣ.

Жизнь его складывалась тяжело. Болѣзни не отпускали его. Въ послѣднія годы онъ часто подолгу лежалъ въ больницѣ, но источникомъ его печали была не болѣзнь и не человѣческія невзгоды, а глубокое переживаніе отъ прогрессирующей “апостасіи” въ христіанствѣ.

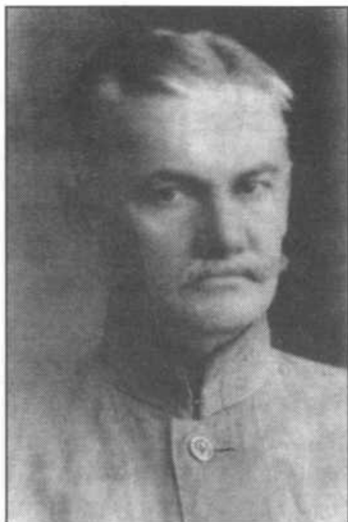
Онъ преподавалъ Новый Завѣтъ и часто на урокахъ дѣлалъ интересные отступленія, дѣлясь со студентами личными переживаніями и размышленіями.

2.
Казань

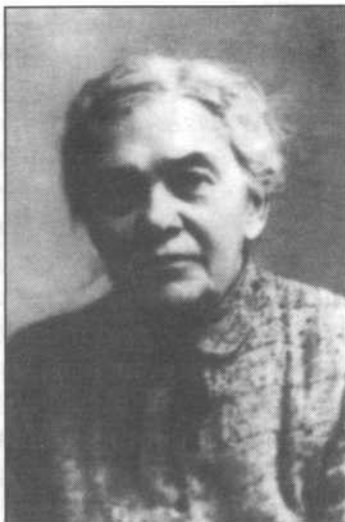
Владыка Аверкій Таушевъ былъ дворянскаго происхожденія, сынъ интеллигентныхъ образованныхъ родителей родомъ изъ Казани. Если было у него ощущеніе райскихъ красотъ, его олицетворяла Казань. Икона Казанской Божіей Матери вездѣ сопровождала его.

Родился онъ 19-го Октября 1906 года въ день рожденія св. Праведнаго О. Іоанна Кронштадтскаго, для котораго онъ столько потрудился: создалъ Общество его памяти, Фондъ въ своей будущей епархіи, построилъ въ городѣ Ютика ему прекрасный храмъ, подготовилъ необходимое къ его прославленію, составивъ тропарь и т. д. А на третій день послѣ его рожденія была память Казанской иконы.

Родитель его — дворянинъ Симбирской губерніи Павелъ Сергѣевичъ Таушевъ, а мать — Марія Владиміровна. Они имѣли только однаго сына и

Павелъ Сергѣевичъ
Таушевъ,
отецъ Владыки Аверкія.

Марія Владиміровна
Таушева,
мать Владыки Аверкія.

жили одной душой. Отецъ, окончивъ курсъ Военно-Юридической Академіи въ СанктъПетербургѣ, до самой революціи 1917 года служилъ въ ВоенноСудебномъ Вѣдомствѣ.

О себѣ Владыка разсказывалъ такъ:

"Родъ службы отца былъ причиной того, что намъ постоянно приходилось быть въ поѣздкахъ по Россіи. И я благодарю Бога за то, что, хотя и рано пришлось мнѣ покинуть горячо мною любимую Родину, въ 1920мъ году, но я все же повидалъ ее и глубоко запечатлѣлъ въ своемъ дѣтскомъ сердцѣ... Воспоминанія эти о нашихъ путешествіяхъ по Россіи кажутся мнѣ какимъ-то сномъ, и никогда до смерти моей не изгладятся изъ памяти. Незабываемо для меня посѣщеніе священнаго Кремля, въ сердцѣ Россіи — первопрестольной Москвѣ, съ его святынями, начиная съ Успенскаго собора, гдѣ короновались наши Государи и настоловались Первосвятители Русской Церкви. Троице-Сергіева Лавра со св. мощами "печальника Земли Русской", Преп. Сергія, Кіево-Печерская Лавра, Александро-Невская Лавра, Петропавловскій, Исаакіевскій и Казанскій соборы и храмъ Спаса на Крови въ СанктъПетербургѣ. Не хочется вѣрить, что теперь это только "музейные" цѣнности, что не воскреснетъ бившая тамъ прежде ключомъ церковнонародная жизнь".

Отецъ юнаго Александра называлъ его Сашей. Онъ рано развилъ въ сынѣ способность разсуждать,

Гимназистъ
Александръ Павловичъ Таушевъ.

а тутъ еще любимое Сашино занятіе, чтеніе книгъ, вызвали въ отрокѣ раннюю взрослость и онъ, очевидно, довольно рано началъ зачитываться Святителемъ Ѳеофаномъ Затворникомъ, выработавъ въ себѣ православную оцѣнку всего окружающаго. И появилась тяга ко всѣму возвышенному, къ небесамъ. Прочитавъ всѣ дѣтскія книги, затѣмъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, онъ заглянулъ въ находящіеся у отца книги духовнаго содержанія. "Больше всего заинтересовали меня находившіеся въ громадномъ шкафу у отца въ его кабинетѣ. Туда я любилъ забираться, когда отецъ уходилъ на службу, и особенно увлекался чтеніемъ большой Библіи на русскомъ языкѣ съ многочисленными иллюстраціями Густава Дорэ, производившими на меня большое впечатлѣніе. Затѣмъ съ упоеніемъ прочелъ "Путеводитель по Святой Землѣ" и "Путеводитель по Аѳону". Родители мои не были особенными "церковниками", но были людьми глубоко вѣрующими, а отецъ очень любилъ и выписывалъ книги духовнаго содержанія, издававшіеся Свято-Пантелеимоновскимъ монастыремъ на Аѳонѣ. Когда я добрался до этихъ книгъ, они особенно поразили меня не только своимъ содержаніемъ, но и особеннымъ духовнымъ ароматомъ, который отъ нихъ исходилъ. Читая эти книги, я просто упивался этимъ дивнымъ благоуханіемъ, и мнѣ было жаль разставаться съ этими книгами и ставить ихъ назадъ въ шкафъ на полку. Такъ я

постепенно познакомился съ книгой "Невидимая Брань", которая произвела на меня глубочайшее впечатлѣніе, а затѣмъ съ книгой "Что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться" Епископа Ѳеофана Затворника и со сборниками его писемъ. Постоянно ходилъ подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго и какъ-то все болѣе и болѣе начиналъ чуждаться окружающей меня обычной свѣтской жизни. Но къ храму Божію въ тѣ раннія годы я особеннаго влеченія еще не испытывалъ, не зналъ и не понималъ еще тогда нашего дивнаго, ни съ чѣмъ не сравнимаго богослуженія. Это пришло позже, постепенно. Въ душѣ же уже тогда, въ 7-8 лѣтъ, подсознательно созрѣвало у меня желаніе проводить жизнь монашескую, отрѣшенную отъ обычной свѣтской жизни, которая меня какъ-то отталкивала отъ себя, въ которой я не видѣлъ ничего привлекательнаго".

Годъ 1914. "Вся жизнь рѣзко перемѣнилась. Чувствовался огромный патріотическій подъемъ. Всюду и вездѣ, не только на улицахъ и въ учрежденіяхъ, но и въ каждой отдѣльной семьѣ можно было слышать разговоры о войнѣ и видѣть самыя интересныя работы и приготовленія къ ней. Помню у насъ въ семьѣ всѣ женщины были заняты шитьемъ и вязаніемъ и отправленіемъ на фронтъ посылокъ нашимъ солдатамъ, въ которыя вкладывалось рѣшительно все, чтобы только утѣшить, подбодрить ихъ и укрѣпить на подвигъ защиты Отечества отъ врага, начиная

отъ натѣльныхъ крестиковъ и иконокъ, ладанокъ съ текстомъ 90-го псалма "Живый въ помощи Вышняго", вязаныхъ фуфаекъ и носковъ, бѣлья и кончая конфетами и табакомъ "махоркой". Въ церквяхъ постоянно служились молебны объ отбывающихъ на фронтъ и о дарованіи побѣды нашему "Христолюбивому воинству". Патріотическія манифестаціи съ пѣніемъ нашего дивнаго величественнаго гимна "Боже, Царя храни" и все происходившее тогда ярко свидѣтельствовало о необыкновенномъ всенародномъ патріотическомъ подъемѣ и невозможно было даже представить себѣ того, что произошло черезъ какихъ-нибудь три года".

Восторженное и незабываемое впечатлѣніе осталось у Владыки отъ пріѣзда Государя Императора Николая II съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Алексѣемъ во Львовъ (Галицію), гдѣ тогда служилъ отецъ Владыки. "Это былъ единственный разъ въ моей жизнь, когда я видѣлъ нашего Благочестиваго Государя и его сына, и при томъ на довольно близкомъ разстояніи. Какой общіий восторгъ вызвало появленіе Государя и Наслѣдника. Какое несмолкаемое "ура" гремѣло по всей огромной площади, гдѣ выстроились войска!"

Отрѣченіе Государя ухудшило положеніе Св. Руси, начались бѣдствія по всей странѣ. Послѣ многочисленныхъ испытаній семья Таушевыхъ въ началѣ 1920-го года покинула свою родину. "Помню, съ

какой скорбью сжималось сердце, когда мы покидали Русскую землю, несмотря даже на то, что мы избѣгали явной для насъ опасности, если бы остались и попались въ руки этихъ извергов, для которыхъ не было ничего святого. Съ замираніемъ сердца слѣдили мы, какъ исчезали послѣдніе русскіе огоньки на горизонтѣ. Прощай, наша несчастная многострадальная Родина! И неужели это навсегда?”

3.

Святитель Ѳеофанъ — новый затворникъ

САМОЕ интересное въ жизни Владыки Аверкія было связано со святымъ Ѳеофаномъ Полтавскимъ, который проживалъ въ городѣ Варнѣ и среди келейниковъ котораго былъ и молодой Александръ Таушевъ.

Владыка Ѳеофанъ (Быстровъ), хотя и не виделся со свт. Ѳеофаномъ Затворникомъ, тѣмъ не менѣе былъ его ученикомъ по перепискѣ и безусловно носилъ на себѣ сильное вліяніе великаго русскаго затворника. Келейничая у свят. Ѳеофана (Быстрова), молодой Таушевъ не могъ не наблюдать совершенно уникальной жизни бывшаго царскаго духовника, ставшаго впослѣдствіи затворникомъ и даже пещерникомъ. Мы имѣли счастіе знать четверыхъ его келейниковъ, которые всѣ дожили до преклонныхъ лѣтъ и подѣлились съ нами свѣденіями объ этомъ святителѣ. Владыка Аверкій оставилъ

Святитель Ѳеофанъ Полтавскій.

воспоминанія, а Владыка Θеофанъ не только написалъ его житіе, но и издалъ цѣлую книжку писемъ Святителя Θеофана, нѣкоторые изъ нихъ написаны ему самому. Это были тѣ годы, когда юный Александръ готовился принять монашество. Отвѣчая на важные вопросы юноши, Святитель Θеофанъ въ этихъ письмахъ раскрывалъ глубину духовной жизни и объяснялъ, какъ на нее настроиться человѣку 20-го столѣтія, въ которомъ появляются проблемы болѣе утонченнаго злокачественнаго характера, чѣмъ это было при жизни великаго Затворника. Онъ осторожно руководилъ душу юноши, дабы не повліять на его свободную волю.

Но начнемъ по порядку. Въ концѣ Января 1920 года пароходъ, на которомъ находился Александръ со своими родителями, остановился въ порту Варна. Всѣхъ прибывшихъ бѣженцевъ городскія власти размѣстили по общежитіямъ. Вскорѣ здѣсь открылась русская гимназія, въ которую записалось 25 учениковъ, среди которыхъ былъ Александръ Таушевъ. "Съ огромнымъ отраднымъ чувствомъ вспоминаю годы моего ученія въ этой гимназіи, съ 1920-го по 1926 годъ. Учиться я очень любилъ, и для меня истиннымъ наслажденіемъ было, когда мы приступали къ изученію какого-нибудь новаго предмѣта. Особенно любилъ я исторію и географію, а также исторію русской словесности. Одно время увлекался латинскимъ языкомъ".

"Помню, какъ лѣтомъ 1925 года пріѣхалъ въ Варну Архіепископъ Θеофанъ Полтавскій и Переяславскій,

Духовная Академія въ Софіи, Болгарія.
Снимокъ сдѣланъ въ 1930-ые годы.

какъ глубоко поразилъ меня его необыкновенный внѣшній обликъ, непохожій на другихъ видѣнныхъ мною прежде архиереевъ, его молитвенное служеніе и дивная проповѣдь, отъ которой повѣяло на меня духомъ древнихъ святоотеческихъ твореній, чтеніемъ которыхъ я увлекался. И вдругъ я узналъ, что ему нанята на все лѣто дача въ пяти километрахъ отъ города, гдѣ онъ будетъ проживать каждое лѣто, пріѣзжая изъ Софіи, гдѣ онъ поселился въ зданіи Болгарскаго Св. Синода. Какая-то особенно возвышеннодуховная радость охватила мое сердце въ надѣждѣ, что я смогу часто видѣть этого столь поразившаго меня своей духовностью подлиннаго святителя Божія и, быть можетъ, даже бесѣдовать съ нимъ. Сразу пришла въ голову дерзновенная мысль просить его, чтобы онъ былъ моимъ "старцемъ" — духовнымъ отцомъ въ монашествѣ, которое я непоколебимо рѣшился принять, увидѣвъ во Владыкѣ Θеофанѣ давно сложившійся у меня въ умѣ и сердцѣ идеалъ инока и святителя. И вотъ наступилъ, наконецъ, этотъ счастливѣйшій для меня въ жизни день, когда я, попросивъ черезъ нашего батюшку аудіенцію у Владыки Θеофана, пришелъ къ нему на дачу... Трудно выразить мнѣ словами, что я испытывалъ при первомъ свиданіи съ этимъ великимъ святителемъ. Отъ него повѣяло на меня необыкновеннымъ миромъ душевнымъ и такимъ благоуханіемъ подлинной святости, какихъ никогда и нигдѣ мнѣ не приходилось больше встрѣчать — ни до, ни послѣ этой столь знаменательной

для меня встрѣчи и бесѣды... Эта встрѣча съ Владыкой Ѳеофаномъ окончательно рѣшила мою дальнѣйшую участь: я твердо, безъ малѣйшихъ сомнѣній или колебаній рѣшился на иноческій путь жизни".

Ему было тогда 19 лѣтъ.

Удивительна была жизнь св. Ѳеофана Полтавскаго. Большой молитвенникъ, онъ былъ мистикъ въ лучшемъ пониманіи этого слова. Ему пріоткрывались тайны людей, какъ въ прошломъ, такъ и въ будушемъ. Его часто сприследовала темная сила, враждующая противъ усиленной молитвы Іисусовой. Такъ, даже были случаи, что посторонніе люди видѣли темную силу въ видѣ пляшущихъ бѣсовъ или лютыхъ звѣрей — пантеръ. Въ книжкѣ о своемъ наставникѣ Ѳеофанѣ Полтавскомъ Владыка Аверкій себя скрываетъ, дабы не вызывать у читателей любопытства. Книжка писемъ Владыки Ѳеофана была названа богословами малымъ русскимъ Добротолюбіемъ. Это помимо того, что Владыкой Ѳеофаномъ была составлена подборка изрѣченій святыхъ Русскихъ Отцовъ. Личные мнѣнія Владыки Ѳеофана на разныя важныя темы разсматривались какъ голосъ самой Церкви. Его богословская критика была верхомъ церковнаго мышленія.

Большой молитвенникъ, онъ былъ консерваторъ, монархистъ. Безстрашный стоятель за Истину, аскетъ, духоносный старецъ и рѣдчайшее явленіе аскетизма въ 20-мъ вѣкѣ. Послѣ него остался огромный архивъ его трудовъ, большинство которыхъ по сей день не видѣли

свѣта. Его преслѣдовали всѣ юрисдикціи, потому что онъ не примкнулъ ни къ одной, а стоялъ выше церковныхъ раздѣленій и предпочелъ уйти въ затворъ вмѣсто вступленія въ пренія. Уйдя на покой, удалившись во Францію, онъ жилъ въ пещерахъ и, отвергнутый всѣми, скончался въ одиночествѣ въ 1940 году и похороненъ на мѣстномъ сельскомъ кладбищѣ.

На письмо юнаго Александра, в которомъ онъ между прочимъ жаловался на свое слабое здоровье и вопрошалъ какъ быть дальше съ желаніемъ монашества, Владыка Ѳеофанъ пишетъ:

"Дорогой о Христѣ братъ!

Я написалъ Вамъ на основаніи св. Отцовъ, что и въ міру можно не только спасаться, но и быть монахомъ. Конечно, многіе желающіе спасаться уходятъ въ монастырь. Но ученые иноки имѣютъ послушаніе спасаться въ міру. И не только церковная власть такъ установила, но и старцы благословляютъ этотъ путь. Помню по себѣ, какъ я стремился по окончаніи курса въ Академіи уйти въ монастырь. Но всѣ великіе прозорливые старцы, у которыхъ я былъ (Алексій Валаамскій, Геѳсиманскій Варнава и Исидоръ), въ то время не благословляли меня это сдѣлать. Они сказали, что въ свое время я въ монастырѣ буду, если пожелаю. И Вамъ, мой другъ, можно сказать, что сейчасъ Вамъ нельзя уходить въ монастырь. Въ монастырѣ Вы не найдете для себя того, что ищете. Не найдете надлежащего руководства, а подвергнитесь большимъ искушеніямъ.

Гимназистъ Саша Таушевъ в Паркѣ.
Революціонные годы.

Въ монастырѣ заставятъ Васъ производить тяжелыя физическія работы, что при Вашемъ слабомъ здоровьѣ будетъ для Васъ не подъ силу. Вмѣсто этого смотрите на занятія богословскими науками какъ на послушаніе. Это послушаніе будетъ не безполезно для Васъ.

София. 8го Мая 1927 г."

Помимо письменнаго контакта со своимъ наставникомъ, Александръ часто бывалъ на его дачѣ и познакомился съ келейниками, даже самъ сталъ однимъ изъ нихъ. И намъ тоже выпало счастье знать кое-кого изъ нихъ, повѣдавшихъ подмѣченное ими сверхъестественное дарованіе молитвы, съ которой Владыка никогда не разставался. Эти юные келейники, Севрюгинъ, Черновъ (О. Епифаній), Вл. Іоасафъ, оставили свѣденія, что ихъ Владыка побывалъ и въ Раю.

Окончивъ гимназію съ золотой медалью, Александръ, по благословенію Вл. Ѳеофана, поступилъ на богословскій факультетъ Державнаго университета въ Софіи. "Іюля 3го 1930 года, наконецъ выдержавъ успѣшно всѣ установленные испытанія, получилъ дипломъ съ общей оцѣнкой 5, т. е. съ высшимъ балломъ. Что мнѣ было дѣлать дальше? Могъ я получить какоенибудь мѣсто въ Болгарской Церкви, но мнѣ хотѣлось принять монашество и послужить именно нашей Русской Церкви, трудиться на духовномъ поприщѣ для нашего родного русскаго народа. Я регулярно получалъ церковную газету "Православная Карпатская Русь", и вотъ у меня явилось намѣреніе

отправиться на Подкарпатскую Русь — тогда это было Чехословакія, — гдѣ происходило въ то время стихійное возвращеніе массъ порабощеннаго и угнѣтаемаго въ теченіе ряда вѣковъ русскаго народа, оторваннаго отъ Матери Россіи, изъ насильственно навязанной ему врагами уніи съ папскимъ Римомъ, въ родную отеческую православную вѣру. Владыка Архіепископъ Ѳеофанъ одобрилъ и благословилъ это мое намѣреніе и даже далъ мнѣ нѣкоторую сумму денегъ на дорогу, т. к. у меня и у моихъ родителей не было денегъ на покупку желѣзнодорожнаго билета. Изъ Карпатской Руси въ отвѣтъ на мое письмо я получилъ увѣдомленіе за подписью правящаго Епископа Іосифа о томъ, что я зачисляюсь на службу въ православную Мукачевско-Пряшевскую епархію на должность помощника секретаря Епархіальнаго Управленія въ городѣ Хусть".

4.

Подкарпатская русь

Будущій миссіонеръ, молодой Александръ Таушевъ уѣзжаетъ изъ Болгаріи со смѣшаннымъ чувствомъ: “Съ одной стороны, скорбь разлуки съ моимъ возлюбленнымъ Аввой (Архиеп. Ѳеофаномъ) и съ моими родителями, которыхъ я очень любилъ, съ другой стороны, радость, что я такъ или иначе, съ благословенія моего Аввы, приближаюсь къ осуществленію моей завѣтной мечты — принятію монашества и при томъ на территоріи Русской земли, которая даже официально носила такое манившее меня названіе “Подкарпатская Русь”. Радовала мысль, что мнѣ предстоитъ посвятить себя такому высокому дѣлу, миссіонерскому служенію по возвращенію нашихъ обманутыхъ и угнѣтенныхъ братій по вѣрѣ и крови въ родную отеческую вѣру — въ лоно Святого Православія”.

Вскорѣ по прибытіи на Карпатскую Русь рабъ Божій Александръ 17-го Мая 1931 года былъ постриженъ въ

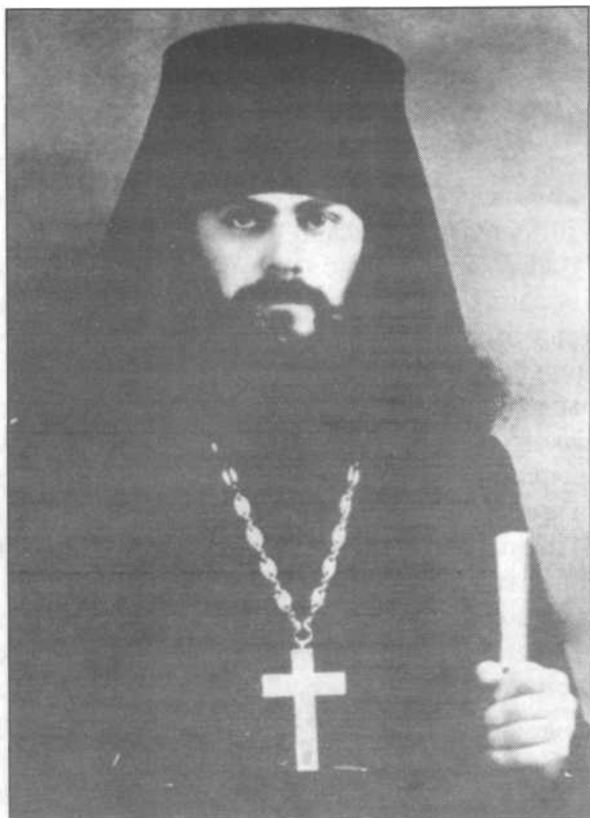

Храмъ-памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ на Карпатахъ в Первую міровую войну, гдѣ О.Аверкій проходилъ свое служеніе. Городъ Ужгородъ, Венгрія. 1937 г.

монашество въ Свято-Николаевскомъ монастырѣ при селѣ Иза-Хустскаго округа. Постригалъ его, очевидно, самъ игуменъ этой обители, съ нарѣченіемъ новаго имени Аверкій, въ честь Равноапостольнаго Аверкія, епископа Іерапольскаго. Послѣ пострига постригавшій его сказалъ: "Мы помѣнялись именами: ты былъ Александръ — теперь Аверкій, а я теперь Александръ, а былъ Аверкіемъ".

На слѣдующій день монахъ Аверкій былъ рукоположенъ въ санъ Іеродіакона Еп. Іоасафомъ Битольскимъ, когда въ этомъ городѣ уже подвизался подвигомъ неусыпающихъ будущій праведникъ Іоаннъ Максимовичъ, съ которымъ онъ уже былъ знакомъ. Новорукоположенный Іеродіаконъ былъ оставленъ на службѣ при епархіальной канцеляріи, а со временемъ былъ назначенъ редакторомъ журнала епархіи "Карпато-Русскій Вѣстникъ" въ 1935 году. И такимъ образомъ началась его славная миссіонерская литературная дѣятельность.

Въ военные годы Вл. Аверкію пришлось много путешествовать, служа духовно страждущему русскому народу, оказавшемуся на чужбинѣ. Тогда остро стоялъ вопросъ о воспитаніи молодежи въ русскомъ духѣ. Одной изъ главныхъ заботъ Владыки Аверкія было сохранить православную русскую молодежь отъ вліянія растлѣвающей моды въ западномъ мірѣ. Какъ сохранить самодостоинство, внутренній миръ и любовь къ Россіи? И онъ выработалъ систему, которой придерживался и на основѣ которой создалъ такъ называемые Свято-Владимірскіе кружки молодежи.

Игуменъ Аверкій въ 1937 г.

5.

Внуки св. владиміра

ЕЩЕ до пріѣзда въ Америку, посѣщая бѣженскіе лагеря въ Германіи съ Курско-Коренной иконой Богоматери, Вл. Аверкій познакомился съ большинствомъ русскихъ гимназій какъ въ англійской, такъ и въ американской зонахъ. Онъ былъ популярной личностью среди молодежи и былъ въ контактѣ со многими лидерами этого юношескаго движенія. Когда онъ пріѣхалъ въ Америку, его назначили въ Свято-Троицкій монастырь Джорданвилль, гдѣ онъ расширилъ свою дѣятельность, создавъ въ главныхъ городахъ Америки ячейки русскихъ православныхъ юношей и дѣвицъ, которые воспитывали себя въ русскомъ духѣ, оставаясь при этомъ въ американскихъ учебныхъ завѣденіяхъ и занимаясь своей профессіей. О. Аверкій разъѣзжалъ по разнымъ городамъ и устраивалъ ежегодные съѣзды, главнымъ образомъ въ штатѣ Нью-Джерси, на Владимірской Горкѣ. Тогда тамъ молодежь встрѣчалась съ

Свято-Троицкій монастырь въ 1950 годы.

болѣе отдаленными кругами русскихъ сверстниковъ и, знакомясь, они устраивали слеты въ другихъ центрахъ, гдѣ въ кружкахъ учавствовали и взрослые. Когда же О. Аверкій сталъ Епископомъ съ каѳедрой въ городѣ Сиракузы и своимъ монастыремъ, то молодежь живо проникласъ монашескимъ настроеніемъ, распространявшимся съ развитіемъ монашества въ Америкѣ. Такимъ образомъ появились иноки въ средѣ Свято-Владимірской молодежи.

Незабываемы были лѣтніе слеты, когда молодежь совершала самостоятельно Всенощное бдѣніе подъ открытымъ небомъ со звѣздами – свидѣтелями ихъ молитвы за Русь. Сами канонаршили, сходились на стиховнѣ съ двухъ клиросовъ и восторженно совершали молитвы, заражая и мѣстныхъ инославыхъ американцевъ своимъ духомъ. А дѣятельность мѣстныхъ кружковъ была незатѣйлива. Во-первыхъ, устраивались библіотеки изъ русскихъ книгъ. Ежемѣсячно приглашались мѣстные русскіе профессора, которые предлагали доклады на разныя темы, связанные съ Россіей и Церковью. Устраивались вечеринки и строго воспрещалось въ разговорѣ употреблять англійскій языкъ, за каждое англійское слово нужно было платить штрафъ пять центовъ. Это дѣлалось съ цѣлью сохранить чистоту русской рѣчи и въ разговорѣ сохранять независимость отъ иностранныхъ выраженій. Устраивались концерты хорового пѣнія и ставились пьесы Гоголя, Чехова и др. Доходили изъ Россіи замѣчательные классическіе

Архимандритъ Аверкій —
хранитель Чудотворной иконы
Курско-Коренной въ Германіи.

фильмы о композиторахъ Глинкѣ, Мусоргскомъ или экранизаціи русскихъ оперъ, что очень вдохновляло и приближало къ Россіи, которую хотѣли передать своимъ дѣтямъ ихъ родители.

Я участвовалъ въ этомъ кружкѣ. Когда же я поѣхалъ въ семинарію, я увидѣлъ пользу отъ моего участія въ кружкѣ и замѣтилъ, что тѣ семинаристы, которые были связаны со Свято-Владимірскими кружками, были сильнѣе въ защитѣ Православія передъ инославнымъ міромъ, чѣмъ тѣ, кто не былъ связанъ. Я часто думаю сейчасъ, почему въ Россіи нѣтъ подобнаго почитанія Князя Владиміра?

Въ Германіи жилъ О. Аверкій въ то время въ Мюнхенѣ при Синодѣ, оберегая св. Чудотворную икону Курско-Коренную Богоматери, съ ней разъѣзжалъ, посѣщая по-евангельски "гонимыхъ правды ради" внуковъ св. Князя Владиміра — и сталъ носителемъ благодати. Въ своемъ "Словѣ при нарѣченіи" во епископы, уже въ Америкѣ, онъ обобщаетъ мысль о миссіи этихъ внуковъ — сознательное самосохраненіе основныхъ принциповъ "духовной жизни и умѣніе на нее настроиться", по ученію обоихъ Святителей Ѳеофановъ, Затворника и Полтавскаго Ново-Затворника. Онъ говорилъ изъ личнаго опыта, что веденіе духовной жизни возбудило въ немъ неутолимое желаніе пріобщиться къ идеалу христіанской жизни по ученію св. Отцовъ нашей святой Православной Церкви. Но не искаженной, не "обновленной" модными реформами, не

О. Аверкій читаетъ свое Слово по нарѣченіи во епископа въ 1953 году. Стоятъ слѣва: Прот. Михаилъ Помазанскій и Архидіаконъ Сергій.

подмѣненной въ угоду путей міра сего. Онъ всю жизнь повторялъ слова св. Ѳеофана Затворника: “Духовная жизнь есть такая область, въ которую мудрость міра сего не проникаетъ”. Этимъ онъ жилъ и, хотя былъ въ “правильной” Церкви, но дорогой цѣной поплатился за слѣдованіе своимъ идеаламъ отъ “сыновъ міра сего”. Онъ вышелъ побѣдителемъ, указывая вѣрный путь русской молодежи — какъ тогда, такъ и теперь.

Кто въ юности зналъ его, говорятъ, что отъ одной памяти о немъ дышется какъ-то “выше”, расширяются плѣчи, выпрямляется спина, въ душѣ “щекочетъ” по-дѣтски жизненной радостью и какъ паромъ обдаетъ мvромъ! Отъ него всегда пахло розовымъ масломъ, обычномъ въ Болгаріи и на Ближнемъ Востокѣ у духовенства. Онъ выглядѣлъ всегда парадньмъ, степеннымъ въ движеніяхъ, разговорѣ, чуточку отрѣшенный. Это отъ того, что онъ былъ глуховатъ. И диву давались мы, говоря: “Вотъ видно, что обозначаетъ быть “добротолюбцемъ”!” Такъ какъ онъ часто цитировалъ изъ Добротолюбія.

Епископъ Аверкій передъ Курско-Коренной иконой.
Нью-Йоркъ, 1955 г.

6.

Америка

Пріѣхавъ въ Америку, заболѣла его мать, и онъ помѣстилъ ее въ недавно открывшійся женскій монастырь Ново-Дивѣево, куда часто къ ней пріѣзжалъ. Онъ познакомился съ ея строителемъ О. Адріаномъ и они оказались духомъ близки. Его назначили быть ректоромъ семинаріи въ Джорданвиллѣ, гдѣ онъ скоро пріобрѣлъ званіе "новаго Златоуста" изъ-за своего ораторскаго таланта. До самой кончины почти въ каждомъ выпускѣ монастырскаго журнала помѣщались его статьи, которыя не просто звучали какъ чистые проповѣди, но были больше разъясненіями и толкованіями нашего времени, темы на злобу дня были самыя актуальныя. Будучи воспитанъ Архіепископомъ Ѳеофаномъ Полтавскимъ, онъ не могъ не видѣть тайну беззаконія въ дѣйствіи, т. е. раскрывающійся процессъ отступленія отъ Истины и погруженія христіанства въ сонъ забытія самаго основного, т. е. Воскресенія

Христа. Этотъ процессъ охлажденія вѣрующаго человѣка и потеря безстрашія передъ зломъ привела западное христіанство въ нѣкій тупикъ, который родилъ безбожіе и воинствующую энергію для разрушенія созданной Христомъ цивилизаціи. Владыка Аверкій понималъ этотъ процессъ и не молчалъ, оповѣщая народъ о зломъ замыслѣ враговъ Христа. Его краснорѣчивые слова западали въ душу слушателей, онъ сподобился быть названнымъ Златоустомъ, не только по своему дару рѣчи, но и судьбой былъ подобенъ ему. Свт. Іоаннъ Златоустъ былъ сначала возвеличенъ какъ архиерей-витія, потомъ оклеветанъ и сосланъ въ изгнаніе, гдѣ въ страданияхъ скончался. Слава Богу, нашъ Владыка не претерпѣлъ подобнаго изгнанія, но критику и лишеніе участія въ Синодѣ претерпѣлъ[1].

Какъ примѣръ его краснорѣчиваго таланта приводимъ коечто изъ его проповѣди о "Свѣтѣ Разума":

"Глубокая тьма покрывала землю. Все погружено было въ сонъ, повсюду царствовала тишина; одни пастухи бодрствовали въ полѣ. И вдругъ разверзлись небеса, неизрѣченный свѣтъ осіялъ землю, явились безчисленные сонмы ангельскихъ ликовъ и послышалось дивное пѣніе невѣдомой доселѣ людямъ

[1]Главная причина его непріятностей и даже гоненій была изъ-за того, что онъ естественно раздѣлялъ мнѣніе своего аввы Свт. Θеофана Полтавскаго, а оно заключалось въ томъ, что послѣдній выступалъ со словомъ критики богословской неточности Митроп. Антонія Храповицкаго въ трактовкѣ догмата объ Искупленіи въ его катехизисѣ. Сторонники митрополита не могли забыть и мстили.

неслыханно-прекрасной пѣсни: "Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!"

Такой же непроницаемой тьмой, какъ темна была Виѳлеемская ночь, окутано было тогда въ нравственномъ смыслѣ и все человѣчество. Зло на землѣ достигло своего крайняго напряженія. Жизнь безъ Бога, безъ Его разумныхъ и спасительныхъ законовъ, привела людей къ тому, что они, опошлившись и развратившись, по слову Писанія, приложились скотомъ несмысленнымъ и уподобились имъ. И развѣ могла жизнь для тѣла, жизнь для желудка, жизнь безъ всякихъ возвышенныхъ стремленій, развѣ могла она имѣть какую-нибудь разумную цѣль? И она дѣйствительно потеряла всякій смыслъ, утративъ свое содержаніе, и разросшійся животный эгоизмъ породилъ страшную вражду и ненависть между людьми. Вѣра въ языческихъ боговъ была окончательно подорвана. Интеллигенція считала боговъ вымысломъ народной фантазіи, сами жрецы не могли удерживаться отъ смѣха, совершая языческіе обряды. О прежнихъ доблестяхъ древняго грекоримскаго міра не было и помину: все свелось къ грубому корыстолюбію, роскоши, изнѣженности и плотоугодію. Не было порока, не было самаго гнуснаго преступленія, которые не совершались бы дерзко и открыто всѣми, на каждомъ шагу и повсюду. Такими чертами рисуютъ тогдашнее состояніе человѣчества современные ему писатели. Лучшіе люди того времени буквально задыхались въ этой ужасающей атмосферѣ

Епископъ Аверкій совершаетъ свою первую архіерейскую литургію, справа Архіепископъ Виталій (Максименко) и Іеродіаконъ Флоръ.

безвѣрія и нравственнаго растлѣнія и громогласно заявляли, что дальше такъ жить нельзя, что нѣтъ спасенія человѣчеству, если самъ Богъ не сойдетъ на землю и не избавитъ людей отъ явно надвигающейся страшной катастрофы. А для многихъ единственно разумнымъ выходомъ изъ мучительнаго гнетущаго состоянія представлялось насильственное прекращеніе жизни путемъ самоубійства. Люди съ очевидностью должны были сознать свое полное безсиліе устроить хотя сколько-нибудь сносную жизнь безъ Бога. Замѣчательно въ этомъ отношеніи признаніе знаменитаго философа языческой древности Платона, который писалъ, что не быть на землѣ порядку, если только Самъ Богъ, сокрывшись подъ образомъ человѣка, не разъяснитъ намъ и наши отношенія къ Нему, и наши взаимные обязанности другъ къ другу.

И вотъ когда эта жуткая тьма зловѣщимъ мракомъ охватила все человѣчество, уже начинавшее отчаиваться въ своемъ спасеніи, наступила "кончина лѣта" (Гал. 4:4) — отъ вѣчности предопредѣленные Богомъ времена и сроки. Совершилась "велія благочестія тайна" (1 Тим. 4:16) — "Посла Богъ Сына Своего Единороднаго": "Богъ явися во плоти" и "съ человѣки поживе". Ярко возсіявшая Виѳлеемская звѣзда и дивное ангельское пѣніе возвѣстили людямъ восходъ Солнца Правды, которое озарило весь міръ Своимъ Божественнымъ Свѣтомъ, разогнавъ эту зловѣщую тьму. Самъ Единородный Сынъ Божій сошелъ на землю и сталъ

Архіепископъ Аверкій проповѣдуетъ въ своемъ
Свято-Троицкомъ монастырѣ,
в Іордановой вѣси — Джорданвиллъ.

Человѣкомъ, не переставая быть Богомъ. Онъ далъ намъ "свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога Истиннаго и да будемъ въ Истиннемъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ" (1 Ін. 5:20). Онъ принесъ на землю тотъ вожделѣнный сладкій миръ, по которому такъ изстрадалась душа человѣческая, не умѣя и не зная, гдѣ и какъ его найти. Онъ пришелъ примирить человѣка съ Богомъ и "благовѣстить миръ намъ, дальнимъ и ближнимъ" (Еф. 2:17), примирить насъ другъ съ другомъ и со своей собственной совѣстью. Отселѣ этотъ миръ сдѣлался кореннымъ отличительнымъ признакомъ каждаго истиннаго христіанина, сдѣлавшагося во Христѣ подлинно новой тварью, его неотъѣмлемымъ кровнымъ достояніемъ. Это "миръ, превосходяй всякъ умъ" (Флп. 4:7), который "превыше всякаго ума", превыше всякаго человѣческаго постиженія и разумѣнія, ибо этотъ миръ — сверхъестественный, благодатный, божественный, наполняющій душу несказаннымъ блаженствомъ: это и есть то Царствіе Божіе, основать которое среди людей пришелъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и которое, по слову Его, "внутрь насъ есть" (Лк. 17:21).

Поскольку вѣра Христова проникала въ души людей, постольку миръ этотъ становился достояніемъ жизни. Чѣмъ ближе подходили люди ко Христу, чѣмъ искреннѣе и горячѣе вѣровали въ Него и чѣмъ больше старались осуществить въ жизни Его благіе завѣты, — тѣмъ болѣе полнымъ и совершеннымъ миромъ они наслаждались.

Но что мы видимъ теперь?

Человѣчество вновь безумствуетъ. То, что происходитъ въ мірѣ теперь, такъ живо напоминаетъ намъ картину жизни на землѣ передъ Рождествомъ Христовымъ. То же безвѣріе, тотъ же развратъ, тѣ же скотскіе идеалы, эгоизмъ, взаимныя вражда и ненависть, та же утрата смысла жизни у большинства людей.

Но не хуже ли все это по сравненію съ тѣмъ, что было тогда?

Вѣдь тогда человѣчество было языческимъ: оно не вѣдало Христа Спасителя и Его возвышеннаго ученія, было погружено въ глубокую религіозную и нравственную тьму. А теперь? — Теперь это происходитъ съ человѣчествомъ, слышавшимъ евангельскую проповѣдь, узнавщимъ Христа или, по крайней мѣрѣ, съ человѣчествомъ, знакомымъ съ Его Божественнымъ ученіемъ. Какого же невѣроятнаго напряженія должна была достигнуть сила зла, дабы такое человѣчество оторвать отъ Христа и ввергнуть въ такую ужасающую бездну не только безвѣрія, но и отчаяннаго, подлинно сатанинскаго богоборчества и страшнаго нравственнаго растлѣнія? Не къ современному ли человѣчеству надлежитъ отнести грозные предостерегающіе слова посланія св. Апостола Павла къ евреямъ: "Земля, пившая многократно сходящій на нее дождь... и производящая терніи и волчцы — негодна и близка къ проклятію, котораго конецъ — сожженіе" (Евр. 6:78).

Но теперь уже не придетъ Христосъ спасти насъ. Онъ пришелъ для этого лишь однажды и разъ и навсегда указалъ намъ вѣчные и неизмѣнные пути ко спасенію. Кто не желаетъ имъ слѣдовать, тотъ пусть самъ и пеняетъ на себя за свою погибель. Никакого счастливаго тысячелѣтняго царства на землѣ, о которомъ ложно учатъ сектанты, не будетъ. Такое ученіе противно Слову Божію и рѣшительно отвергнуто Церковью.

Теперь придетъ Христосъ вторично уже не спасать міръ, но судить міру сему — "судити живымъ и мертвымъ".

Первый разъ приходилъ Онъ въ уничиженіи, давая намъ примѣръ смиренія, а теперь придетъ Онъ "во Славѣ Своей и вси святіи Ангели съ Нимъ" (Мѳ. 25:31). Это будетъ уже не благостное снисхожденіе Божіе къ несчастнымъ отчаявшимся людямъ, но Страшный Судъ надъ беззаконными гордецами, вѣдающими Бога и безумно, заносчиво отмѣтающими святые завѣты Его. И если первые христіане, празднуя Первое Пришествіе Христово въ міръ, всегда возносились мыслію къ славному и страшному Второму Его пришествію, напряженно ожидая его, то тѣмъ болѣе естественно и даже необходимо помышлять о немъ намъ, современнымъ христіанамъ, каждодневно наблюдающимъ признаки приближенія его, указанные въ Евангеліи. Вся наша жизнь на землѣ должна быть ни чѣмъ инымъ, какъ самой тщательной подготовкой къ этому великому

и славному “дню Господню” (Деян. 2:21). Знаетъ это врагъ вселукавый, врагъ человѣческаго спасенія, и всячески старается погасить въ насъ это спасительное помышленіе. Какихъ только доводовъ и благовидныхъ предлоговъ и соображеній не приводитъ онъ, лишь бы отклонить современныхъ христіанъ отъ мысли о Второмъ Пришествіи Христовомъ. И успѣваетъ въ этомъ. Многіе нынѣ говорятъ объ этомъ — страшно сказать! — съ усмѣшкой, и даже духовные лица нерѣдко избѣгаютъ разговоровъ на эту тему. Да! Крѣпко приковалъ врагъ мысли и чувства современныхъ людей къ землѣ, и не хотятъ они думать о вѣчности. Не самый ли вѣрный это признакъ близости Второго Пришествія? Вспомнимъ только слова Христовы: “Какъ было во дни Ноя, такъ будетъ и въ пришествіе Сына Человѣческаго: ибо какъ во дни передъ потопомъ ѣли, пили, женились и выходили замужъ до того дня, какъ вошелъ Ной въ ковчегъ, и не думали, пока не пришелъ потопъ и не истребилъ всѣхъ, — такъ будетъ и пришествіе Сына Человѣческаго” (Мѳ. 24:379).

Да бѣжитъ далеко отъ насъ такое пагубное настроеніе легкомыслія и безпечности! Свѣтло и радостно празднуя Первое Пришествіе Христово въ міръ, будемъ такъ же свѣтло и радостно ожидать Его Второго Пришествія, жить этимъ ожиданіемъ, какъ жили имъ христіане первыхъ вѣковъ. А для того, чтобы оно было для насъ воистину радостнымъ и открыло бы намъ входъ къ блаженной вѣчности, посвятимъ все оставщееся время

нашей земной жизни трудамъ покаянія и усиленному приготовленію себя къ тому, чтобы достойно "предстать предъ Сына Человѣческаго" (Лк. 21:36) и дать "добрый отвѣтъ на Страшномъ Судищи Христовомъ".

Семинаристы хорошо помнять его предупрежденія, почти пророческіе, о погруженіи западной цивилизаціи въ отступленіе и забвеніе Христа.

Поскольку антихристъ часто появлялся въ его лексиконѣ, какъ-то разъ въ классѣ одинъ изъ студентовъ задалъ ему вопросъ, почему онъ такъ часто говоритъ имъ объ этомъ грядущемъ состояніи человѣчества, тогда какъ они вѣрные православные и держатся церковныхъ правилъ. Будучи в церкви они защищены православными канонами? На это Владыка отвѣтилъ: "Вѣдь въ антихристово время ложь будетъ выдаваться за Истину и трудно будетъ разобраться, кто правъ. Будешь ли ты тогда въ Истинной Церкви, разберешься ли въ этихъ соблазнахъ? Поэтому мы должны разбираться и знать духъ времени по ученію Святителя Игнатія Брянчанинова". У Ссвт. Ѳеофана Затворника есть цѣлая книга на эту тему[1] съ предупрежденіемъ для русскихъ, гдѣ говорится о томъ, какъ русскій народъ быстрыми темпами отступаетъ отъ Христа и вотъ-вотъ Россія потеряетъ свободу. Эта пророческая книга была переиздана и часто цитировалась Владыкой

---

[1] "О Православіи съ предостереженіемъ отъ погрѣшеній противъ него". Изд. Пантелеимоновскаго м-ря на Аѳонѣ. М. 1893.

Епископъ Аверкій съ группой Свято-Владимірской молодежи въ Америкѣ. 1953 г. Первая слѣва Татьяна Вихлянцева (см. с. 105-108).

Аверкіемъ. Его собственная работа о Свт. Ѳеофанѣ Затворникѣ называлась "Провозвѣстникъ кары Божіей русскому народу".

Однажды работая въ канцеляріи, мы съ О. Владиміромъ замѣтили, что ктото медленно ходитъ по коридору взадъ впередъ. О. Владиміръ пріоткрылъ дверь и въ шутливомъ тонѣ сказалъ: "Ваше Высокопреосвященство, о чемъ Вы думаете, шагая по коридору?" Съ доброжелательной улыбкой Вл. Аверкій вошелъ и, смотря мнѣ въ лицо, какъ бы обращаясь къ молодому поколѣнію, сказалъ: "Вотъ мы передъ дилеммой: пришло время, когда неправославные выдаютъ себя за православныхъ и этимъ подрываютъ смыслъ этого священнаго слова, ставшаго неправильнымъ въ такомъ употребленіи. Католики дѣлаютъ нажимъ на слово "католикосъ" — универсальность христіанства, стараясь этимъ опредѣлить всеобъѣмлющую суть христіанства. Въ отличіе отъ нихъ православные должны были бы сочинить болѣе подходящее опредѣленіе правой вѣры — "ортодоксія", и теперь всѣмъ понятна разница. Но когда идетъ подмѣна Православія, то это слово непригодно, а нужно найти новый терминъ для Православія. Правоправославная, истинноправославная, недостаточно опредѣленно. Вотъ я хожу и думаю: "О наше бѣдное Православіе[1], ты теряешь свою силу изъза враговъ Христа". И вышелъ въ раздумьи, и вскорѣ появилась его статья на эту тему. Эти статьи вызывали у

[1] Выраженіе Св. Григорія Богослова.

Возлѣ Троицкаго собора
Архиеп. Аверкій, семинаристъ Глѣбъ (автор сихъ воспоминаній) и Іером. Владиміръ.
1960 г.

думающихъ православныхъ поддержку ихъ подозрѣній относительно экуменистическаго движенія, "восточнаго обряда", Фатимской римо-католической "арміи" и т. п. Но мы, семинаристы, жадно впитывали въ себя уроки мудраго Златоуста и благодарили Бога за его существованіе.

Помимо преподаванія Новаго Завѣта, онъ также читалъ лекціи по литургикѣ и гомилетикѣ. Всѣ преподаватели во время его ректорства были исключительно талантливы и на высотѣ своего призванія. Догматику преподавалъ Протопресвитеръ Михаилъ Помазанскій, пастырское богословіе — Архимандритъ Константинъ. Вѣроученіе — Архим. Владиміръ, исторію Церкви — Н. В. Тальбергъ. Но самымъ замѣчательнымъ профессоромъ, окончившимъ во Франціи Сорбонну, имѣвшимъ четыре доктората, былъ профессоръ И. М. Андрѣевъ[1], который преподавалъ психологію, философію, патристику и русскую литературу 19го вѣка. Преподавалъ онъ на уровнѣ знаменитаго французскаго университета Сорбонна, гдѣ онъ былъ ученикомъ Бергсона, а въ Россіи Аскольдова. Онъ былъ въ юности революціонеромъ и высланъ въ Европу, гдѣ узналъ источникъ движенія соціализма и обратился въ Православіе. Вернулся въ Россію, когда та горѣла революціоннымъ пламенемъ, который у него погасъ. Онъ сталъ членомъ Катакомбной Церкви, сидѣлъ въ

[1] Об И. М. Андрѣевѣ см. «Русскіе писатели XIX в.». М.: «ИД «Русскій Паломникъ». - 2009.

Выпускной классъ 1961 года. Сидитъ въ центрѣ Владыка Аверкій. Слѣва направо: Прот. Михаилъ Минаевъ, Архим. Пантелеимонъ, Владыка. Деканъ Н.Н. Александровъ, О. Лавръ, проф. Ивановъ. Стоятъ Иван Бабковъ, Алексѣй Дмитріевъ, Владиміръ Поповъ, Моисей Тарасевичъ, слѣпецъ Миша, Глѣбъ Подмошенскій и сербъ Николай Буковичъ.

тюрьмахъ и на Соловкахъ и чудомъ спасся, пройдя черезъ Ленинградскую блокаду. Его лекціи были на высшемъ уровнѣ, охватывали знанія въ четырехъ докторатахъ. Когда онъ говорилъ, скажемъ, о Святителѣ Василіи Великомъ, то онъ примѣнялъ свои знанія во всѣхъ четырехъ областяхъ. Когда онъ говорилъ о Лермонтовѣ, то тутъ помимо эстетической хвалы поэта были проблески психологіи, философіи и богословія. Конечно, онъ былъ очень страстный и, не скрывая, ненавидѣлъ Толстого, Соловьева и Лосскаго. Онъ былъ борецъ за Православіе и безспорно герой для будущей Россіи.

Увы, въ тѣ годы внѣшней борьбы, атеизма и внутрицерковной распри, между юрисдикціями въ Русской Церкви много энергіи было потрачено на самоутвержденіе всѣхъ воюющихъ сторонъ, поэтому молодые кандидаты въ священники смущались въ посвященіи своей жизни церковному служенію, но тѣ, кто избралъ путь пастырства, были хорошо подкованы и благодарили Господа Бога за все полученное въ семинаріи отъ Архиеп. Аверкія.

Послѣ своей кончины Владыка оставилъ 4 толстыхъ томовъ проповѣдей, 2 тома толкованій Новаго Завѣта, жизнеописанія Архиеп. Ѳеофана Полтавскаго и его письма. При всей любви къ Россіи Владыка Аверкій любилъ и Америку. Ему нравилась степенность и терпимость въ среднемъ американцѣ, и онъ считалъ, что одной изъ главныхъ заботъ пастыря является

возможность представить Православіе на уровнѣ современнаго американца.

У него была духовная дочь, Княгиня Н. В. Урусова[1)], много пострадавшая въ Россіи за ея благородное происхожденіе и потерявшая всѣхъ своихъ дѣтей. Она оставила свои воспоминанія, которые Владыка Аверкій просилъ дать въ типографію, чтобы издать, но она боялась, что при наборѣ будетъ измѣненъ текстъ и ея рѣзкая критика тѣхъ, кто не признавалъ Катакомбной Церкви въ Россіи, будетъ измѣнена. Иными словами, она не довѣряла, а мемуары между тѣмъ написаны превосходно. Она ввѣрила ему держать рукопись, пока не дастъ своего разрѣшенія печатать.

Къ этому времени пришла пора издавать рукопись Сергѣя Нилуса, второй томъ "На берегу Божіей рѣки" и этимъ обнародовать Дивѣевскую тайну, которую ни Архіепископъ Ѳеофанъ Полтавскій, ни иноки отцы печатники, отмѣчавшіе 50-лѣтіе прославленія Святаго Серафима, не соглашались издать. Но хранительница этой рукописи дала обѣщаніе своему дядѣ опубликовать его трудъ во что бы то ни стало. И ею было рѣшено издать ее при помощи какого-нибудь малоизвѣстнаго издательства. Она обратилась къ нашему Братству. Владыка Аверкій съ радостью благословилъ, и рукопись были издана и не произвела никакого недоумѣнія, как якобы порочащая имя Преп. Серафима.

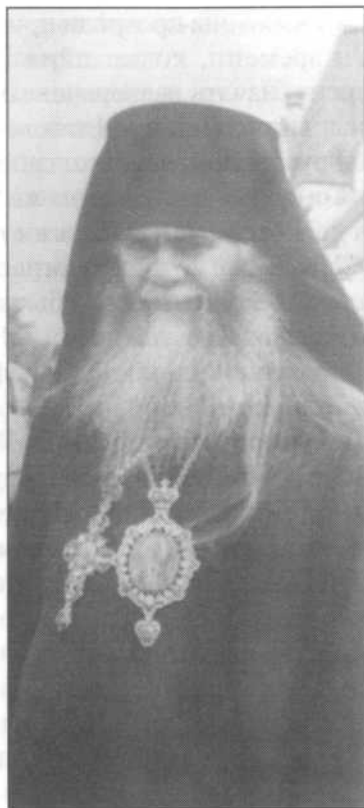
[1)] О княгине Н. В. Урусовой см. «Материнскій Плачъ Св. Руси». М.: «ИД «Русскій Паломникъ». - 2008.

Наоборотъ, духовныя лица прозрѣли при ея появленіи о приближеніи времени, когда тайна Россіи послѣ 70т-и лѣтъ должна начать разворачиваться. Владыка Аверкій благословилъ изданіе и Дивѣевской тайны, и воспоминаній Урусовой, но до выхода послѣднихъ въ печатномъ видѣ онъ не дожилъ. Когда же "Дивѣевская Тайна" дошла до Россіи, тамъ были вновь обрѣтены мощи Преп. Серафима, которыя согласно предсказанію въ этой книгѣ должны были быть обрѣтены и "прійти" въ Дивѣево. Кто знаетъ, быть можетъ, то, что было указано въ сновидѣніи О. Серафима (Роуза) приходитъ въ реальность?[1]

Когда же мы впервые прибыли въ Россію, самъ Святѣйшій Патріархъ Алексій, благословляя дѣятельность нашего Братства въ Россіи, вознаградилъ насъ наперснымъ крестомъ, сдѣланнымъ въ память обрѣтенія мощей Преп. Серафима и благодарилъ наше Братство за любовь къ Преп. Серафиму.

---

[1] Сонъ, въ котором О. Серафимъ (Роуз) виделъ Вл. Аверкія торжествующемъ о воскресеніи Россіи. См. стр. 97.

Архiепископъ Аверкiй
какъ онъ обычно встрѣчалъ
посѣтителей съ привѣтливой
улыбкой. 1966 г.

7.

Пасха

ЕЩЕ до семинаріи Владыка пріѣзжалъ въ Бостонъ, останавливался у насъ въ домѣ. Ночевалъ въ моей комнатѣ. Сидя въ моей келліи и разговаривая, онъ показался мнѣ глубоко вдумчивымъ наблюдателемъ всего, что происходило въ мірѣ. Онъ интересовался всѣмъ, проявляя объективное отношеніе къ нашему падшему человѣчеству. Онъ хорошо зналъ литургическое богословіе и, конечно, душа его больше всего витала въ этой области. Эта сторона православной реальности мало замѣчена въ нашей повседневной жизни. Вліяніе на психику богослужебныхъ стихиръ, прокимновъ не изслѣдуются такъ, какъ этимъ интересовался онъ и Архіепископъ Іоаннъ Шанхайскій. Источникомъ православнаго гимносложенія является, конечно, Псалтырь, которой пропитано все наше богослуженіе. На эту тему онъ не разъ со мной разговаривалъ, но я не былъ къ этому готовъ. Когда

же съ его благословенія я пошелъ въ семинарію, эта сторона богослуженія мнѣ открылась не столько съ богословской стороны, сколько съ психологической, и я сожалѣю, что многое, о чемъ Владыка говорилъ, было не понято и забыто мною.

Какъ-то разъ, уже передъ концомъ моего обученія, Владыка Аверкій и мы вчетверомъ ѣхали въ пасхальный періодъ въ Нью-Йоркъ. Всю дорогу мы пѣли пасхальныя стихиры. Съ нами былъ О. Нектарій, монастырскій регентъ, который пѣлъ на всѣ лады. Тутъ онъ далъ себѣ волю и пѣлъ вдоволь разные рѣдкіе пасхальные напѣвы, стихиры, степенные и т.д. Мы заслушались. Въ Россіи онъ былъ членомъ такъ называемой Катакомбной Церкви и очень много перенесъ страданій отъ безбожной власти, чудомъ спасся и никогда не могъ литургисать безъ слезъ. Тутъ я впервые видѣлъ его въ такомъ радостномъ расположеніи духа. Духовникъ О. Нектарія въ Россіи, О. Варсонофій, былъ посаженъ въ тюрьму, которая находилась въ самомъ соборѣ Саровской пустыни, гдѣ въ свое время помѣщались мощи Преп. Серафима. О. Варсонофій позже разсказывалъ, что когда состояніе его души дошло до предѣла и онъ взмолился, прося избавленія отъ душевной оставленности, вдругъ духомъ онъ переселился въ иной міръ и увидалъ адъ и рай, какъ явное доказательство существованія загробной жизни. Преп. Серафимъ, коснувшись его, указалъ на грядущую небесную радость, происходящую отъ претерпѣнія страданій на

землѣ — и вмигъ загорѣлось сердце О. Варсонофія и онъ ощутилъ въ себѣ жажду страданій, только бы не лишиться блаженства.

Мы ѣхали въ Нью-Йоркъ въ прекрасномъ настроеніи, сіяло солнце, и вдругъ, Архіепископъ Аверкій началъ острить. Оказывается, у него было прекрасное чувство юмора. И онъ въ такомъ радостномъ расположеніи духа просилъ остановиться для трапезы на возухѣ. Нашли подходящее мѣсто для пикника, разложили скатерть. Съ нами былъ семинаристъ Алеша изъ Новой Зеландіи, а единственный священникъ въ этой странѣ былъ О. Алексѣй Годяевъ. И вотъ Владыка говоритъ: "Скоро Алеша будетъ батюшкой, пошлемъ его въ Новую Зеландію и тамъ будетъ два отца Алексія. Одинъ О. Алексій Годяевъ, другой О. Алексій Негодяевъ". Было смѣшно.

Владыка разсказалъ намъ, какъ однажды онъ ѣхалъ на очередное засѣданіе членовъ Синода, совпавшаго съ американскимъ Рождествомъ по новому стилю. Спустился въ "сабвэй" (Нью-Йоркское метро), гдѣ по случаю праздника и ранняго утра никого не было. Владыка вошелъ въ совсѣмъ пустой вагонъ. Но вдругъ въ другомъ концѣ вагона онъ увидѣлъ черную фигуру вошедшаго, похожаго на православнаго монаха. Въ греческой рясѣ и аѳонской камилавкѣ. Тутъ вошедшій, замѣтивъ Владыку Аверкія, поднялъ правую руку и во всеуслышаніе закричалъ: "Спиридонъ есъ, Крисмасъ ноу!" Все вдругъ стало ясно: старостильники

нашли другъ друга. Это оказался Епископъ Петросъ изъ Асторіи, ставшій большимъ другомъ нашихъ Епископовъ-исповѣдниковъ, Владыки Іоанна, Аверкія, Леонтія, Саввы, Нектарія.

Но помимо шутокъ Владыка разсказывалъ о своей жизни, какъ въ деревняхъ на Прикарпатской Руси справляли Пасху бывшіе уніаты, съ какой жадностью они переходили въ Православіе и какъ торжественно и энергично переживали они предпасхальную скорбь и пасхальную беспредѣльную радость. Воспоминаніе этой радости вызвало въ немъ слезы умиленія.

Съ нами сидѣлъ нашъ Владыка. За нами журчала быстро текущая рѣчка. Пѣли птицы. Мы ѣхали поклониться вновь появившимся иконамъ Божіей Матери, находящимся въ этой же Асторіи, иконамъ, которые чудеснымъ источеніемъ слезъ нашумѣли въ православномъ мірѣ и этимъ подняли вѣру въ народѣ. Съ благоговѣніемъ и пѣніемъ пасхальныхъ стихиръ мы прикладывались къ иконамъ, а я мысленно прощался передъ моимъ паломничествомъ на Аляску, которое перемѣнило всю мою жизнь.

Въ Іюнѣ я покинулъ монастырь. Въ Декабрѣ вернулся. Мое паломничество намѣчало поворотъ въ жизни. Въ Калифорніи я познакомился съ Архиепископомъ Іоанномъ, который приглашалъ меня переѣхать къ нему. Передъ переѣздомъ я провелъ лѣто въ моемъ монастырѣ, завѣдуя лѣтними паломничествомъ мальчиковъ, которыхъ родители посылали въ монастырь

для воцерковленія и одновременно для образованія. Дѣло это было непростое и очень отвѣтственное. У меня было сорокъ подопечныхъ, большинство изъ которыхъ были изъ Нью-Йорка, изъ плохихъ районовъ, трущобъ. Они хулиганили вмѣстѣ съ пуэрториканцами. Конечно, они были хорошіе русскіе мальчики, но при этомъ озорники. Какъ-то мы, недосмотрѣвъ за ними, узнали, что трое изъ нихъ напроказничали не на шутку. Они разбили стекла и испортили чью-то припаркованную машину. Это дошло до благочинного О. Кипріана. Тотъ вызвалъ меня для объясненій, которыхъ, конечно, у меня не было. Повысивъ голосъ, онъ выругалъ при мнѣ проказниковъ, но те не показали ни малѣйшаго признака раскаянія. Попавъ въ бѣду, они не понимали серьезности положенія и отвѣтственности передъ хозяиномъ автомобиля. Я не зналъ, что дѣлать, т. к. это было для меня неожиданностью, и было рѣшено идти къ Владыкѣ какъ на Страшный судъ. Мальчишки не унимались. Благочинный былъ разгнѣванъ. Поднялись на второй этажъ въ пріѣмную къ Владыкѣ Аверкію. Доложили ему и онъ съ печальнымъ видомъ медленно вышелъ, перебирая длинныя четки въ лѣвой рукѣ. Мальчишки хихикали. О. Кипріанъ описалъ серьезность положенія. Имъ грозило не только немедленно покинуть монастырь съ позоромъ, но и огромная выплата за автомобиль. О. Кипріанъ говорилъ съ жаромъ, грозно и вызвалъ страхъ даже у меня, но не у сорванцовъ. Владыка выждалъ окончательнаго

приговора, перекрестился на иконы и медленно похаживая по залу, заговорилъ тихимъ тономъ: "Мальчики, мальчики, какъ это нехорошо, какъ нехорошо..." И какъ бы смотрѣлъ въ ихъ души. И тутъ сорванцы встали на колѣни, залились слезами и, полные раскаянія, сказали, что готовы нести любое наказаніе. Просили прощенія у Владыки, у О. Кипріана, у меня — удивительно проникновенно, послѣ столь краткихъ и, казалось бы, безсильныхъ словъ Владыки.

Получивъ отъ Владыки рекомендательные письма для моего паломничества на Аляску по приходамъ, я благословился у него совершить этотъ путь, не трогая денегъ, ни однаго доллара. Дѣло въ томъ, что мнѣ хотѣлось со дня окончанія семинаріи совершить, какъ это бывало на Руси, паломничество пѣшкомъ, безъ денегъ. Но такъ какъ нѣкоторыя дороги въ наше время закрыты для пѣшеходовъ, то я согласился ѣздить на машинахъ и автобусахъ, но только на тѣ деньги, которыя мнѣ будутъ давать за мои бесѣды. Рѣшилъ я такъ, а возможно ли это или нѣтъ, дѣло покажетъ. Но идея была одобрена Владыкой, написавшимъ рекомендательные обращенія ко всѣмъ прихожанамъ по дорогѣ моего паломничества, и напутствованна братствомъ и иконкой Валаамскихъ Сергія и Германа, благословлена О. Филимономъ, и я пустился въ путь.

Господь, по молитвѣ Владыки Аверкія, благословилъ мою священную затѣю, и я, посѣщая приходы съ докладами, достигъ моей цѣли — Аляски — и

благополучно вернулся въ монастырь, не потративъ ни копѣйки, ни однаго доллара. Наши предки совершали паломничества по обѣту, который заключался въ томъ, что они безсребренниками шли по святымъ мѣстамъ при помощи благочестивыхъ христіанъ, которые ихъ кормили и снабжали всѣмъ необходимымъ для достиженія цѣли, прося молитвъ за нихъ во святыхъ мѣстахъ и обителяхъ.

Мнѣ хотѣлось этотъ подвигъ совершить въ Америкѣ, тѣмъ болѣе, что я былъ глубоко убѣжденъ, что цѣлю моего странничества будетъ поклоненіе Преподобному Герману Аляскинскому, первому святому въ Америкѣ, Валаамскому иноку и чудотворцу, тогда еще непрославленному. И Господь помогъ. По пути я останавливался въ разныхъ приходахъ, читалъ доклады со слайдами о святыхъ мѣстахъ Америки, и люди, понимая цѣль моего выступленія — возобновить подлинное пониманіе паломничества — жертвовали деньгами, продовольствіемъ или возили меня изъ одного города въ другой. Такъ я добрался черезъ всѣ штаты съ Восточнаго побережья на Западъ до Лосъ -Анджелеса, а оттуда уже и рукой подать до города Сіэтла, отъ котораго до Еловаго острова у меня уже было достаточно средствъ, чтобы летѣть. Въ сумѣ у меня помимо проектора и 33-хъ слайдовъ да записки молиться о живыхъ и мертвыхъ у могилы Преподобнаго Германа ничего не было. Я благополучно добрался до моей цѣли и такимъ же образомъ черезъ Канаду

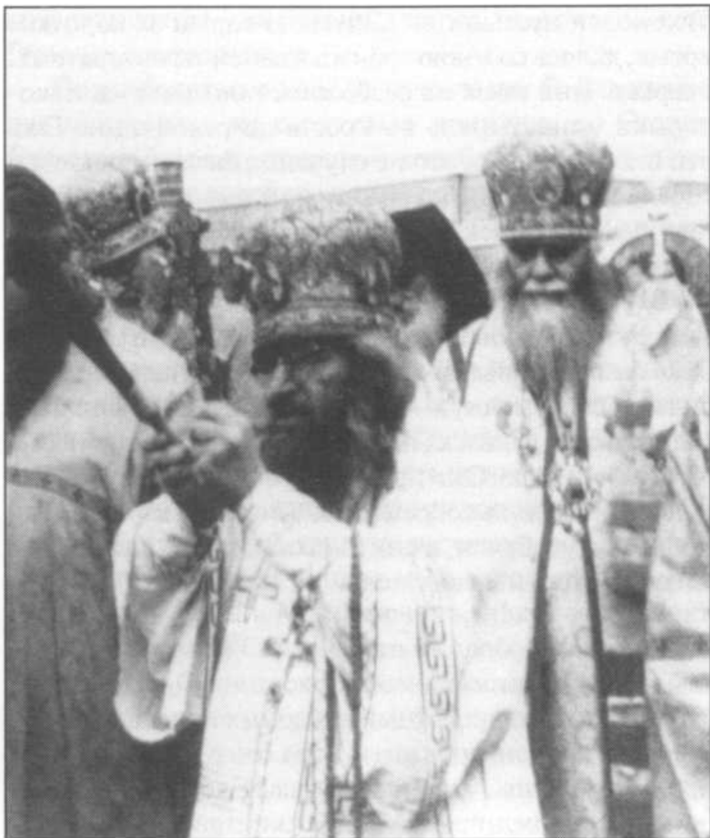
возвратился въ монастырь, точно въ день памяти Германа Аляскинскаго.

По прибыти восвояси, въ монастырь. О. Владиміръ для меня сразу же отслужилъ панихиду по Старцу Герману и благодарственный молебенъ, и этимъ я положилъ начало возобновленію традиціоннаго русскаго обычая паломничества по святымъ мѣстамъ. Во время моего путешествія я встрѣчалъ много единомышленниковъ, молодыхъ людей, которые сопровождали меня на нѣкоторое разстояніе и выслушивали мои идеи о паломничествѣ. Одной изъ главныхъ цѣлей моихъ докладовъ было разсказать о существованіи русскихъ православныхъ святыхъ мѣстъ въ Америкѣ, хотя ихъ и мало, но они есть, есть чудотворныя иконы и новоявленныя плачущія, есть представители бывшей Оптиной пустыни и другихъ русскихъ монастырей, и существуетъ такой уникальный человѣкъ какъ Архіепископъ Іоаннъ Максимовичъ, нѣкій отголосокъ подвижнической Святой Руси въ свободномъ мірѣ.

Въ Санъ-Франциско я познакомился съ людьми, побывавшими во многихъ нынѣ закрытыхъ монастыряхъ Россіи, и даже воспитывавшимися въ Оптиной пустыни. Когда я дѣлалъ докладъ въ Санъ-Франциско для молодежи въ присутствіи Архіепископовъ Іоанна, Тихона и Нектарія, то душа моя ликовала, что я такихъ представителей Святой Руси лицезрѣлъ своими глазами. А на Еловомъ островѣ я прожилъ нѣкоторое время съ настоящимъ пустынножителемъ, О. Герасимомъ изъ

Тихоновой пустыни въ Калугѣ, который за короткое время, дѣлясь со мною своимъ жизненнымъ опытомъ, открылъ мнѣ глаза на безбожное повѣденіе въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ Россіи до революціи. Такъ что стало понятно, что не случайна была революція и гибель Святой Руси, но она не обязательно окончательная, судя по предсказаніямъ святыхъ праведниковъ, съ которыми О. Герасимъ былъ въ общеніи въ Россіи.

Вернувшись изъ своего паломничества, я обогатился живымъ опытомъ добрыхъ пастырей, нѣкоторые даже были исповѣдниками, которыхъ Господь перебросилъ въ современную Америку, чтобы они были какъ евангельская закваска передъ Вторымъ Пришествіемъ Христа на землю. Они принесли ростки со Святой Руси и, посадивъ ихъ въ современной Америкѣ, взращивали, поливали, удобряли, и они въ свою очередь дали новую жизнь, которой я свидѣтель.

Святители Іоаннъ Западно-Европейскій (Максимовичъ) и Аверкій освящаютъ строящійся храмъ при Фондѣ св. Іоанна Кронштадтскаго въ гор. Ютикѣ.

8.

Прощаніе со

СВЯТЫМЪ ІОАННОМЪ

Въ Іюлѣ 1966 года внѣзапно скончался Архиепископъ Іоаннъ и его привезли изъ Сіэтла въ Санъ-Франциско для погребенія подъ соборомъ, имъ же построенномъ. Владыка Аверкій въ сопровожденіи братіи своей обители поспѣшилъ въ Санъ-Франциско. Отпѣваніе длилось много часовъ въ присутствіи многихъ архиереевъ. Въ канунъ апостоловъ Петра и Павла, день памяти святыхъ Валаамскихъ основателей, Преподобныхъ Сергія и Германа, Архиепископъ Аверкій, къ моему огромному счастью, посѣтилъ нашъ книжный магазинъ и, обозрѣвъ его какъ центръ нашего Братства, сказалъ слово о Валаамскихъ миссіонерахъ, особенно выделивъ, что шли они по стопамъ главнѣйшихъ миссіонеровъ, Апостоловъ Петра и Павла.

Это были дни большого духовнаго подъема, какъ бы тріумфъ подвижничества Владыки Іоанна въ "новой землѣ". Въ сооруженной подъ соборомъ усыпальницѣ, въ центрѣ часовни помѣстили гробъ Владыки, и съ этого момента тамъ начали происходить чудеса, которые привлекали все больше и больше новаго народа, уносившаго изъ усыпальницы живую вѣру. Мы вели записи свидѣтельствъ чудотворной помощи по молитвамъ Владыки Іоанна. Такъ какъ нашъ книжный магазинъ былъ рядомъ съ соборомъ, люди заходили къ намъ и разсказывали разные случаи, когда по молитвамъ Владыки Іоанна подавалась слабымъ людямъ духовная сила. Владыка Аверкій, видя все это, радовался, ибо это опять таки было въ стилѣ старой Россіи, когда къ гробницамъ праведниковъ приходили, паломничали и распространяли вѣру по Святой Руси.

Трогательно было слово Архіепископа Аверкія у открытаго гроба праведника, въ которомъ онъ засвидѣтельствовалъ свою вѣру и преданность праведнику, описавъ нѣсколько умилительныхъ эпизодовъ, какъ Владыка Іоаннъ, слабый физически, но сильный духомъ, настоящій духовный гигантъ, вдохновлялъ вѣру во встрѣчавшихся на его пути. Изъ этого слова было видно, сколько молитвъ онъ пролилъ передъ Господомъ въ защиту Владыки Іоанна, когда того судили и посадили на скамью

подсудимыхъ. Незабываемо тогда было собраніе искреннихъ друзей Владыки Іоанна, помимо Владыки Аверкія, Архиепископа Леонтія, Еп. Саввы, Еп. Нектарія.

Во время этой поѣздки Владыка Аверкій впервые познакомился съ О. Серафимомъ, тогда еще братомъ Евгеніемъ. "Изъ всѣхъ твоихъ владыкъ, — сказалъ О. Серафимъ мнѣ позже, — мнѣ, пожалуй, больше всего по душѣ Владыка Аверкій. Что-то въ немъ есть отрѣ-шенное отъ житейскаго шума. Онъ, навѣрное, могъ бы всю жизнь молчать, у него все внутри. Поэтому, когда онъ открывалъ уста, текли "рѣки живой воды". Я промолчалъ, но понялъ, что главный секретъ краснорѣчія именно молчаніе устъ и слышанія бесѣды души съ Богомъ.

Больше мы не видѣли Вл. Аверкія.

Черезъ нѣсколько лѣтъ было прославленіе Германа Аляскинскаго, какъ на Аляскѣ, такъ одновременно и въ Санъ-Франциско. Это было тріумфомъ нашего Братства. Но къ тому времени, въ 1970 году мы уже переселились въ нашу отдаленную пустыню въ горахъ Сѣверной Калифорніи. Жизнь наша измѣнилась, усилилась миссіонерская ея сторона. Нашъ журналъ "The Orthodox Word" выходилъ съ 1965 года и посылался Архиепископу Аверкію, который одобрялъ его, дѣлая небольшіе комментаріи. Вмѣсто моего

"Соборъ" единомышленниковъ.
Слѣва направо: Архиереи Савва, Леонтій, Іоаннъ, Петросъ, Аверкій и Нектарій.

погибшаго въ Воркутѣ отца я просилъ у Владыки Аверкія благословенія на монашество, что опять исполнилось. Нѣсколько лѣтъ спустя Владыка пригласилъ меня пріѣхать въ Свято-Троицкую обитель, чтобы открыть Свято-Германовскіе Зимніе Паломничества для молодежи. Цѣлью устройства Зимнего Паломничества было, по замыслу Владыки Аверкія, продолженіе Свято-Владимирскихъ кружковъ, ибо къ тому времени, когда-то юная Свято-Владимірская молодежь подросла, а ихъ дѣти были еще слишкомъ молоды. Мы приготовили программу и отпечатали брошюру, состоящую изъ словъ Преподобнаго Германа подъ названіемъ "Какъ быть молодымъ Апостоломъ, благовѣстникомъ во время "духовной чумы". Весь упоръ былъ на образъ святого, который имѣлъ дѣтей-сиротъ своими учениками. Онъ исполнялъ ту же функцію, что и Святой Князь Владиміръ въ своемъ народѣ. Съѣздъ былъ очень удаченъ, и онъ повторяется ежегодно уже много лѣтъ въ разныхъ мѣстахъ наподобіе слетовъ Свято-Владимірской молодежи. Владыка Аверкій былъ очень доволенъ съѣздомъ, хотя былъ очень слабъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ отошелъ ко Господу.

Моя послѣдняя съ нимъ бесѣда происходила въ его покояхъ подъ сѣнью Казанской иконы Божіей Матери. Онъ посадилъ меня въ красивое античное

кресло и откровенно сѣтовалъ на несправедливости, которыя онъ переживаетъ изъ-за неблагопріятнаго настроенія, еще продолжающагося среди высшаго духовенства. Я былъ въ курсѣ дѣла и осмѣлился посовѣтовать ему не думать много объ этомъ, а заняться писаніемъ о своемъ старцѣ, Архиепископѣ Ѳеофанѣ Полтавскомъ. Мы объ этомъ и раньше бесѣдовали въ перепискѣ, и онъ показалъ мнѣ уже готовый текстъ писемъ, имъ собранныхъ, которые Святитель Ѳеофанъ писалъ ему въ тѣ годы, когда формировался въ душѣ его уходъ изъ міра юноши Александра, и появленіе носителя имени равноапостольнаго Аверкія. У насъ было много общаго въ связи съ печатной дѣятельностью нашего Братства. О. Серафимъ считалъ даже, что главнымъ вдохновителемъ и совѣтникомъ нашего дѣла былъ Архиепископъ Аверкій. Стояніе за церковную чистоту и передача этого англоязычнымъ православнымъ христіанамъ было главнымъ завѣтомъ Владыки Аверкія, который очень переживалъ о томъ какъ прогрессируютъ новостильники и модернисты, называющіе себя православными.

Въ моментъ взаимнаго радостнаго пониманія и ощущенія единодушія красивый стулъ, на которомъ я сидѣлъ, сломался, причинивъ скорбь моему собесѣднику. Это было доказательствомъ того, что темная сила хотѣла отомстить, и Владыка Аверкій

сдѣлалъ заключеніе: “Это значитъ, что мы стоимъ на правомъ пути, такъ сказалъ бы Владыка Өеофанъ”.

То чувство теплоты и внутренней радости, которая всегда сопровождала мои бесѣды съ Владыкой, осталось навсегда. Послѣ этой бесѣды я видѣлъ его только въ гробу — и во снѣ.

Посѣщающіе Плачущіе иконы первый слѣва Архим. Нектарій, Владыка Аверкій,архидіаконъ Пименъ и монахъ Максимъ Сербъ.

9.

Лазаревъ

ПЕРЕХОДЪ КЪ ВОСКРЕСЕНІЮ

Владыка Аверкій умеръ, какъ говорятъ его келейники, не столько изъ-за физического изнеможенія, а отъ горя, отъ "разбитаго сердца". Онъ страдалъ за "ущемленное" врагами христовыми Святое Православіе. Вслѣдъ за Святителемъ Григоріемъ Богословомъ ему было свойственно часто глубоко вздыхать и повторять: "О, страждущее Православіе!" Въ одномъ письмѣ къ намъ за полтора года до смерти онъ писалъ, указывая настоящую причину его душевныхъ скорбей:

"... Я нѣсколько разъ выступалъ, несмотря на мою все еще большую слабость, но настоящей поддержки ни съ чьей стороны не находилъ. По всѣму видно, что "вершители судебъ" записали

Еп. Савва Эдмонтонскій посѣщалъ Владыку в 1964 г. въ Санъ-Франциско.

Архиепископъ Тихонъ Санъ-Францисскій.

меня давно "на черную доску" и очень хотѣли бы такъ или иначе добиться, чтобы голоса моего вообще не было слышно. И во многомъ преуспѣли, ибо этотъ Соборъ стоилъ мнѣ здоровья, ибо для выздоровлѣнія моего главное, что требуется, это душевное спокойствіе, котораго быть не можетъ, пока все такъ будетъ идти такимъ путемъ... "Протягивать руку" еретикамъ и отступникамъ, конечно, недопустимо, а только искренне кающимся и идущимъ къ намъ съ покаяніемъ... Я это на Соборѣ подчеркивалъ, но посланія написаны въ Нью-Йоркѣ, куда я уже былъ не въ силахъ поѣхать. И ни одного изъ этихъ "посланій" мнѣ даже не давали подписывать... Скорблю глубоко... Невольно приходитъ на умъ мысль, что какая-то "политика" всѣмъ этимъ руководитъ и дирижируетъ, а намъ никакая "политика" непріемлема, а только чистое ученіе Слова Божія и преданіе нашей Святой Церкви. Этого мы и должны держаться, ибо всего намъ дороже — ЧИСТОТА НАШЕЙ СВЯТОЙ ВѢРЫ.

Ноября 28го/ Декабря 11го 1975 г."

За послѣднія годы Владыка Аверкій часто хворалъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для него были тѣ дни, въ которые онъ могъ съ вдохновені емъ писать проповѣди – передовицы въ журналѣ "Православная Русь". Они проникновенны и

Епископъ Нектарій Санъ-Францисскій,
позже Епископъ Сіэтлійскій.

точно отображаютъ голосъ православной совѣсти въ наше лихолѣтье. Скорби отъ явныхъ проявленій отступленія, апостасіи, не затмевали его внутренняго радостного воспріятія духовной жизни. Къ примѣру, онъ дѣлалъ особенный нажимъ на то, что благодать Божія коснулась Русскаго народа въ І юлѣ мѣсяцѣ. То было какъ бы ликованіе Святыхъ въ Землѣ Русской просіявшихъ, давая поводъ считать, что этотъ мѣсяцъ для русскихъ людей приноситъ какую-то дотолѣ неслыханную радость и укрѣпленіе духа въ унывающей средѣ. Въ этотъ мѣсяцъ справляется память почти всѣхъ главныхъ святыхъ въ Русской Церкви: святаго Князя Владиміра, святой Равноапостольной Ольги, святыхъ Бориса и Глѣба, Препп. Сергія Радонежскаго и Серафима Саровскаго, Преп. Антонія Кіево-Печерскаго, свв. Германа Аляскинскаго и Германа Соловецкаго, Прокопія Устюжскаго, Андрѣя Боголюбскаго, Андрѣя Рублева, Анны Кашинской и заканчивается свв. Царственными Новомучениками, св. Царемъ Николаемъ II съ его семействомъ и алапаевскими мучениками. Мѣсяцъ Іюль какъ бы мѣсяцъ имянинъ для Руси, даръ отъ Бога, возглавляемый Казанской иконой Богоматери.

Архіепископъ Аверкій зналъ о приближеніи своей кончины. За 4 дня до смерти онъ повторялъ многимъ, кто его посѣщалъ, такую фразу: “Лазарь умре”. И на четвертый день, когда Лазарь воскресъ,

Владыка, дѣйствительно, умеръ для воскресенія. Это было 31-го Марта 1976 года.

Скорбь была большая, тѣмъ болѣе что среди высшаго духовенства шли распри и большая надежда на Владыку Аверкія какъ на духовную опору и авторитетъ уходила съ его кончиной. Когда намъ сообщили, что Владыка скончался, то мои отцы и братія послали меня на отпѣваніе, во время котораго одинъ изъ протестующихъ греческихъ клириковъ устроилъ скандалъ въ алтарѣ. Это оставило непріятный привкусъ при прощаніи съ Владыкой Аверкіемъ. Слезы лились градомъ у всѣхъ насъ, ибо собралось множество его искреннихъ почитателей. Шли разговоры о его святости. А Епископъ Нектарій утверждалъ во всеуслышаніе, что Архиепископа Аверкія надо причислить къ лику святыхъ. Ставшій на его мѣсто какъ игуменъ и архипастырь Владыка Лавръ раздавалъ монашествующимъ кое-что изъ личныхъ вещей почившаго. На меня онъ надѣлъ мантію Владыки Аверкія и въ этомъ радостномъ настроеніи я прибылъ домой.

Нашъ О. Серафимъ, тихо выслушавъ мой отчетъ о поѣздкѣ, сожалѣлъ, что такъ мало извѣстно православнымъ американцамъ изъ сокровищницы писаний Владыки Аверкія, оставленной для будущихъ поколѣній. “Это нашъ долгъ, — сказалъ О. Серафимъ, — чтобы современный американецъ

узналъ о Владыкѣ Аверкіи какъ объ одномъ изъ равныхъ древнимъ Отцамъ Церкви, стоявшимъ горой за чистоту Православія, которое въ наше лукавое время представлено какъ что-то отсталое и изжитое, какъ будто Церковь должна соревноваться съ модами и вѣяніями вѣтра, измѣнчивымъ "духомъ міра сего".

Испытавшіе на себѣ чудотворную помощь по его молитвамъ начали присылать свои свидѣтельства и вскорѣ вышла краткая біографія на англійскомъ языкѣ "Богоноснаго Отца нашего Аверкія", а монастырь его началъ издавать въ нѣсколькихъ томахъ его духоносные поученія. Но какъ тѣнь отъ яркаго свѣта, недружелюбіе по отношенію къ Владыкѣ Аверкію среди "власть имущихъ" все же сдѣлало свое коварное дѣло и слава его и значеніе какъ учителя Церкви уменьшились и какъ-то затмились на фонѣ шума и церковныхъ дрязгъ.

Намъ кажется, что мѣсто его въ контекстѣ святоотеческой литературы 20-го вѣка немалое. Образъ его подобенъ знаменитымъ Отцамъ древности Православной Церкви, такимъ, какъ Аѳанасій Великій, Ѳеодоръ Студитъ, Максимъ Исповѣдникъ и др. Особенно любилъ Владыка Аверкій повторять излюбленное выраженіе перваго изъ нихъ, Святителя Аѳанасія: "Не идти въ ногу со временемъ, а служить Богу!" И, дѣйствительно,

настоящіе архипастыри сами идутъ правымъ путемъ, и за ними слѣдуютъ вѣрные, слышащіе их пастырскій голосъ, а не какъ свинопасы, которые тянутся сзади за пасомыми и кнутомъ направляютъ ихъ впередъ.

10.

Послѣдніе
ДНИ ВЛАДЫКИ АВЕРКІЯ

Уже послѣ выхода въ свѣтъ журнала «Русскій Паломникъ» съ симъ краткімъ жизнеописаніемъ мы получили письмо отъ послѣдняго келейника Владыки, нынѣ здравствующаго Высокопреосвященнейшаго Митрополита Иларіона съ краткимъ описаніемъ последнихъ дней земной жизни Владыки Аверкія:

«Я очень обрадовался, получивъ Ваше письмо вмѣстѣ съ новымъ номеромъ журнала "Русскій Паломникъ". Получилъ я его сразу же послѣ возвращенія изъ США, гдѣ принималъ участіе въ торжественномъ незабываемомъ отпѣваніи нашего дорогого, глубоко уважаемаго Владыки Митрополита Лавра.

Похороны Архиепископа Аверкія. 1976 г.

Благодарю Васъ за прекрасный номеръ журнала, посвященный приснопамятному и дѣйствительно святой жизни Святителю Архіепископу Аверкію. Читая его жизнеописаніе, Вами составленное, опять очень живо представился мнѣ во всей своей духовной красотѣ обликъ дорогого Владыки Аверкія.

Сколько лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ я, будучи еще послушникомъ, а потомъ рясофорнымъ монахомъ въ Свято-Троицкомъ монастырѣ, сподобился счастья близко познакомиться съ Владыкой Аверкіемъ, исполняя обязанности келейника во время его тяжелаго недуга и до момента его кончины. Владыку разбилъ параличъ лѣвой стороны тѣла и онъ былъ прикованъ къ больничной кровати, находясь въ очень слабомъ физическомъ состояніи. Но сила его духа, святость и чистота его души помогли ему стать на ноги послѣ шестимѣсячнаго леченія въ больницѣ св. Ап. Луки въ городѣ Ютика.

Владыка настолько поправился, что смогъ иногда литургисать въ монастырскомъ храмѣ. Чаще всего онъ проповѣдовалъ во время службы, а потомъ записывалъ свои проповѣди для печатанія въ журналѣ "Православная Русь". Въ этотъ періодъ онъ также взялся за собираніе своихъ проповѣдей и изданіе ихъ въ монастырской типографіи въ 4-хъ томахъ.

Владыка Аверкій постригъ меня въ малую схиму, давъ мнѣ имя Иларіонъ въ честь Преп. Иларіона, схимника Печерскаго. А въ 1975 году онъ возвелъ меня въ діаконскій санъ. Я оказался послѣднимъ клирикомъ, имъ рукоположеннымъ.

Въ день его кончины утреннее дежурство у Владыки Аверкія исполнялъ собратъ монастыря О.Ириней (Рошонъ). Онъ прибѣжалъ ко мнѣ въ растерянности, говоря: "Что-то случилось съ Владыкой! Ему плохо и невозможно понять его рѣчь". Я спустился съ О. Иринѣемъ въ покои Владыки и нашелъ его лежащимъ въ кровати. Онъ находился въ какомъ-то безпокойномъ состояніи и нѣсколько разъ старался что-то мнѣ сказать. Но я не могъ понять, что онъ хотѣлъ передать. Мы обратились за помощью къ Архим. Владиміру въ монастырской канцеляріи и онъ вскорѣ устроилъ, чтобы Владыку Аверкія увезли скорой помощью въ госпиталь св. Луки въ Ютикѣ.

Я послѣдовалъ за машиной скорой помощи и сидѣлъ у кровати Владыки, когда его устроили въ комнату. Къ тому времени Владыка Аверкій, какъ мнѣ казалось, крѣпко спалъ, но, вѣроятнѣе всего, онъ уже находился въ комѣ. Постепенно у него увеличился предсмертный хрипъ. Больничный персоналъ вставилъ ему въ ротъ дыхательную трубку, чтобы улучшить его дыханіе.

Черезъ 2-3 часа вдругъ Владыка съ большимъ вздохомъ на мгновеніе присѣлъ въ кровати, но сразу его голова опустилась на подушку. Я замѣтилъ, что его дыханіе пріостановилось и сразу позвалъ врача. Госпитальный персоналъ поспѣшно собрался у кровати Владыки, стараясь возстановить дѣйствіе его сердца, но безуспѣшно. Владыка почилъ о Господѣ послѣ третьяго повторнаго инсульта. Былъ уже вечеръ и я позвонилъ въ монастырь, чтобы сообщить печальную вѣсть о кончинѣ Владыки Архіеп. Аверкія.

Вскорѣ послѣ отпѣванія и погребенія Архіеп. Аверкія, въ Лазареву субботу 1976 года, его преемникъ и будущій Митрополитъ и Первоіерархъ Русской Зарубежной Церкви Владыка Лавръ рукоположилъ меня въ іеромонахи.

Очень жалѣю, что по грѣховности и по легкомыслію молодости я недостаточно вникалъ и оцѣнивалъ тогда духовный обликъ Архіепископа Аверкія, его нѣжный характеръ, его, можно сказать, дѣтски чистую душу, его возвышенные и краснорѣчивые душеполезные наставленія.

Царство ему небесное! Я увѣренъ, что онъ находится въ сонмѣ святыхъ на небѣ, вмѣстѣ со всѣми другими нашими великими святителями и подвижниками.

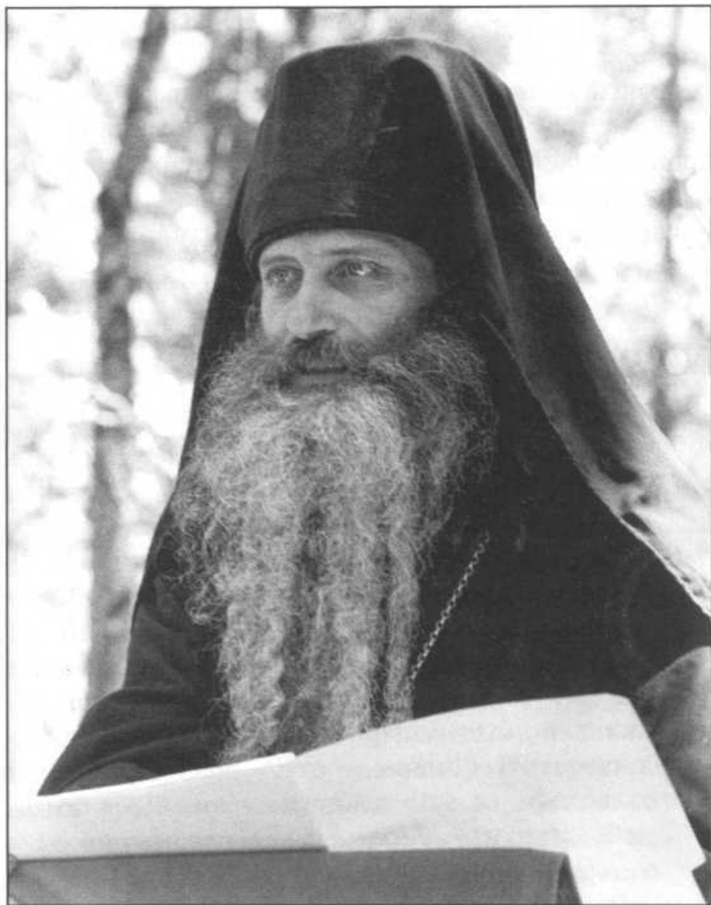
Будучи уже въ Австраліи какъ правящій архі ерей Австралійско-Новозеландской епархіи и

находясь однажды для служенія въ Казанской женской обители въ Кентлинѣ (которая находится около 45 минутъ ѣзды отъ Сиднея), вижу ночью очень яркій сонъ, который мнѣ запомнился навсегда. Я сижу на краю открытаго гроба у ногъ Владыки Аверкія. Онъ былъ облаченъ точно какъ при своемъ погребеніи съ воздухомъ, покрывающимъ лицо. Мнѣ хотѣлось пріоткрыть воздухъ, чтобы посмотрѣть на его ликъ, но я не смѣлъ этого сдѣлать. Въ этотъ моментъ я про себя громко произнесъ слова: "Это - мощи!"

Любопытно, что въ другой разъ въ томъ же Казанскомъ женскомъ монастырѣ въ ночь передъ литургіей я также во снѣ смотрѣлъ на открытый гробъ и останки блаженно почившаго Митрополита Филарета, нашего третьяго Первоіерарха РПЗЦ. Въ этотъ разъ я стоялъ у ногъ Владыки Филарета и дерзнулъ обѣими руками притронуться къ его щиколоткамъ. Я почувствовалъ, что его тѣло цѣлое и нетлѣнное. Пораженный, я также произнесъ про себя "Это - мощи!" Интересно, что этотъ яркій сонъ случился еще за нѣсколько лѣтъ до перенесенія останковъ Митроп. Филарета изъ склепа Успенскаго кладбищенскаго храма въ другой склепъ подъ Троицкимъ монастырскимъ соборомъ. Тогда при открытіи гроба была засвидѣтельствована нетлѣнность останковъ

Владыки Филарета, подобнаго Владыкѣ Аверкію угодника Божія.

Ваша замѣчательная статья о Владыкѣ Аверкіи навѣяла на меня эти скудные воспоминанія. Я прошу прощенія, что не успѣлъ исполнить раньше Вашу просьбу написать что-то о нашемъ дорогомъ Владыкѣ».

Іеромонахъ Серафимъ (Роузъ).

11.

Сонъ о. Серафима

ПРОШЛО полгода со дня смерти Владыки Аверкія. Какъ-то утромъ прищелъ О. Серафимъ на полуношницу и между прочимъ, по скромности скрывая волненіе, говоритъ, что онъ въ эту ночь видѣлъ во снѣ Архиепископа Аверкія. На мои разспросы о деталяхъ видѣннаго О. Серафимъ нехотя повѣдалъ слѣдующее:

"Сонъ былъ ясный, живой, какъ будто все наяву. Шло какое-то торжественное богослуженіе, возглавляемое Архиепископомъ Аверкіемъ, который стоялъ въ полномъ облаченіи, бѣломъ, на какомъ-то возвышенномъ зеленомъ мѣстѣ подобномъ архиерейской каѳедрѣ. Окруженный тысячью народа, который великолѣпно воспѣвалъ какое-то торжественное событіе, Владыка держалъ въ рукѣ дымящееся кадило и осѣнялъ его крестообразно, самъ сіяя отъ радости. Рядомъ стоялъ діаконъ, отъ котораго ожидался какой-то возгласъ, который онъ забывалъ, и народъ ожидалъ

какого-то откровенія. Рядомъ съ діаконъ стоялъ О. Серафимъ, тоже въ сіяющемъ стихарѣ и далъ знать Владыкѣ Аверкію, что знаетъ слова, которые діаконъ долженъ произнести. И Владыка кивнулъ головой въ одобреніе. О. Серафимъ открылъ ротъ и громогласно воскликнулъ то, что было нужно, которое подхватила тысячная толпа народа. И затѣмъ О. Серафимъ громогласно запѣлъ на какой-то ему незнакомый, но благозвучный напѣвъ "Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его. Алиллуйа!" "И воскреснетъ Святая Россія", — добавилъ онъ отъ себя. Ему показалось, что пѣло много отдѣльныхъ хоровъ, переливаясь отъ одного къ другому, и то было какъ облака свидѣтельствъ по Апостолу Павлу — Исповѣдниковъ и Новомучениковъ Россійскихъ. И когда пѣніе переливалось и усиливалось, онъ взглянулъ на Владыку Аверкія, но того уже не было, онъ растворился въ этомъ множествѣ свидѣтелей. И О. Серафимъ проснулся.

"Что бы это значило?" — смиренно спросилъ онъ меня, ожидая подтвержденія, что это не было бѣсовское наважденіе. Тутъ я ему напомнилъ: "Вѣдь сегодня память святого Равноапостольнаго Аверкія. Владыка Аверкій справлялъ свой первый день ангела въ Царствѣ Небесномъ и ты былъ тамъ". Услышавъ это, О. Серафимъ удалился въ алтарь и долго тамъ молился. Я же задумался о судьбахъ Россіи, не приближается ли пора и ей возстать? А въ эту ночь праздновалась Казанская икона Богоматери!!! Она же спасала Св. Русь.

Среди нашей братіи, хотя и молодой, новой для Православія, но ревностной по вѣрѣ, были нѣкоторые, кто нетерпѣливо ждалъ слова отъ Владыки Нектарія, пріѣзжавшаго къ намъ, о томъ, когда же прославятъ Владыку Аверкія? "Если церковные дѣла будутъ такъ же продолжаться, — сказалъ онъ, — то врядъ ли мы дождемся этого". На что возражали наши братія, говоря, что всякія невзгоды временны. "Но вы-то прославили бы его?" — "Безусловно", — отвѣтилъ Владыка Нектарій.

Въ это время въ одномъ изъ маленькихъ селеній штата Орегонъ одному русскому, Ивану Ассуръ пришла идея построить на своемъ участкѣ первый храмъ только что прославленнымъ Новомученикамъ. Однимъ изъ нихъ былъ его замученный отецъ. Владыкой Нектаріемъ, съ единственнымъ сослужащимъ ему іеромонахомъ - мною, былъ заложенъ фундаментъ для этого храма, который очень быстро былъ построенъ въ стилѣ древнихъ бревенчатыхъ шатровыхъ храмовъ. Когда пришло время уѣзжать, мы опоздали на поѣздъ и пришлось ночевать въ отелѣ. Попрощавшись съ Владыкой, я пошелъ къ себе въ комнату.

Переживаніе о грядущемъ событіи — построеніи перваго храма Новомученикамъ — не давало мнѣ покоя, вѣдь и мой отецъ былъ Новомученикомъ. Это будетъ и его храмъ, въ основоположеніи котораго я участвовалъ. Очевидно, Владыка тоже былъ взволнованъ и попросилъ меня явиться. У Владыки былъ съ собой

портретъ Владыки Іоанна, а у меня оказался портретъ Владыки Аверкія. Мы стали вспоминать Владыку Аверкія. Я вытащилъ портретъ и поставилъ на столъ. "Кто же будетъ его прославлять?" — сказалъ я, имѣя въ виду, что одинъ за другимъ уходили въ міръ иной его почитатели. Владыка Нектарій всталъ, зажегъ свѣчу, надѣлъ епитрахиль, перекрестился, и мы громогласно пропѣли величаніе Владыкѣ Аверкію. Т. е. съ архиереемъ во главѣ, хотя и скромно, но канонизировали его, уже давно въ народѣ прославленнаго.

Но освятить храмъ, который скоро долженъ былъ быть построенъ, Владыка Нектарій не смогъ по состоянію здоровья и въ послѣдній моментъ послалъ меня одного освятить малымъ чиномъ великолѣпный храмъ, который я и освятилъ. Совершилъ проскомидію и началъ литургію. Хоръ пѣлъ съ особымъ подъемомъ, вспоминая на каждомъ шагу Епископа Нектарія, который, безусловно, душой былъ съ ними. Я только что началъ евхаристическій канонъ. Запѣли "Милость мира, жертва хваленія", когда мнѣ доложили, что въ этотъ моментъ въ Санъ-Франциско скончался Епископъ Нектарій. Въ это воскресенье совершалась память Новомучениковъ и Блаженной Ксеніи, любимой святой Епископа Нектарія. Душа только что почившаго Архиерея Божія вознеслась ко Престолу Всевышняго, къ сонму имъ прославленныхъ новыхъ мучениковъ и Архиепископу Аверкію, въ ожиданіи того момента, когда въ обновленной Россіи будутъ прославлять

новыхъ мучениковъ въ присутствіи многострадальной души великаго святого нашего времени, Архиепископа Аверкія, ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Величаемъ тя, Святителю Отче нашъ Аверкіе,
и чтимъ святую память твою, ты бо молиши за насъ
Христа Бога нашего. Аминь.

О. Г. П.

Архіепископъ Аверкій въ 1965 году на фонѣ иконостаса Троицкаго собора.

12.

Свидѣтельства

1. ПОСМЕРТНОЕ ЯВЛЕНІЕ, СПАСЕНІЕ ОТЪ АВАРІИ

Посылаю Вамъ описаніе, какъ св. Владыка Аверкій спасъ жизнь. Отправились мы въ гости къ нашимъ друзьям, по дорогѣ Лонгъ-Айландъ. Такъ какъ дорога была свободна отъ автомобилистовъ, дочь ѣхала со скоростью сто миль. Я этого не замѣчала и мы мирно вели бесѣду. На полдороги замѣтили запахъ резины. Долго не задумываясь, ѣхали дальше. Запахъ усиливался, но скорость дочь не уменьшала. Вдругъ неожиданно дочь остановила автомобиль: "Дальше не ѣду". Вышла, а я осталась сидѣть на переднемъ сидѣніи. Перекрестилась. Когда открыла глаза, вижу у кузова стоитъ святой Владыка Аверкій, въ сѣромъ подрясникѣ, и такой у него видъ неземной, полупро-

зрачный, съ очень пріятной улыбкой, такимъ его при жизни никогда не видала: неземная красота, описать не берусь. Это только можно изобразить какъ икону. Въ нашей земной жизни не встрѣчала подобное. Отъ радости забывъ, что Владыка ушелъ отъ насъ, умеръ, я протянула руки подъ благословеніе. Въ это время дочь открыла дверь: "Быстро, быстро выходи!" Замѣтивъ на моемъ лицѣ радость, сказала: "Что съ тобой?" Я восклицаю: "Стоитъ Владыка Аверкій, иди подъ благословеніе!" — "Гдѣ? Гдѣ?" Какъ только она посмотрѣла на указанное мѣсто, святой Аверкій ушелъ, не стало его. Когда мы подошли къ мѣсту, откуда валилъ ѣдкій дымъ, увидѣли, что колесо вышло изъ своего мѣста и стоитъ рядомъ съ машиной. На насъ напалъ страхъ и ужасъ. Опомнившись и помолившись, мы поняли, что насъ спасъ святой Вл. Аверкій, котораго я только что видела. При жизни я его почитала святымъ, теперь ему молюсь и благодарю за спасеніе нашихъ жизней. Святый Владыка Аверкій, моли Бога о насъ!

Пріѣхалъ механикъ, увиделъ въ такомъ состояніи автомобиль и громко воскликнулъ: "Немыслимо было ѣхать съ такой скоростью! Опредѣленно съ вами произошло чудо, иначе отъ васъ бы ничего не осталось". Это подлинные слова механика. Въ нашихъ сердцахъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что святой Аверкій спасъ намъ жизнь и мы съ благодарностью взываемъ: Святый Аверкій, моли Бога о насъ!

О. Игнатій отслужилъ панихиду на гробницѣ Архиепископа Аверкія въ монастырѣ въ Августѣ 1976 года. Храни Васъ Господь.

Богомолки Зинаида и Алла Непомнящіе.
Октября 12-го 1977 г.

2. ИСЦѢЛЕНІЕ ОТЪ ЭКЗЕМЫ

Нѣсколько дней назадъ я слышалъ еще одно чудо по молитвамъ Владыки Аверкія. Одна женщина изъ города Бингхэмптонъ, штата Нью-Йоркъ (Е. Петрочко) страдала отъ экземы, кожной болѣзни на рукѣ. Ходила къ разнымъ врачамъ, но они не могли ей помочь. Она пріѣхала къ намъ въ монастырь и молилась у гробницы Владыки Аверкія. Опустила руку на саму его гробницу. Когда она встала съ колѣнъ, чтобы уйти, сыпь на рукѣ изчезла сразу же.

Помолитесь за меня. Съ Богомъ.

Послушникъ Макарій Шеферъ.

3. ЗАБОТА О ДУХОВНОМЪ ЧАДѢ

Что касается чудесъ по молитвамъ Владыки Аверкія, то у меня были коекакіе явленія, но насколько они значительны, судите сами. Я охотно съ Вами подѣлюсь.

Какъ Вы сами знаете, Владыка зналъ меня съ пеленокъ и былъ всегда озабоченъ всѣмъ тѣмъ, что со мной дѣлается. Еще за годъ до его смерти я поступила на работу въ одной хорошей фирмѣ, но мнѣ попался

ужасно неудачный начальникъ — страшно нервный, раздражительный, постоянный крикунъ и просто невозможный. До меня у него смѣнилось немало работницъ и въ такую ужасную обстановку я сѣла. Вскорѣ я начала подумывать о перемѣнѣ, но Владыка настойчиво умаливалъ меня не бросать эту службу, что начальникъ просто нервный и т. д. Но я каждый вечеръ приходила домой настолько усталой и съ истрепанными нервами, что просто валилась съ ногъ. Каждый день съ отвращеніемъ опять плелась на свои мученія. Тѣмъ не менѣе Владыка два-три раза въ недѣлю звонилъ мнѣ, подбадривалъ меня и умолялъ не бросать этой службы. Послѣдній такой разговоръ былъ съ Владыкой въ воскресенье, а во вторникъ онъ скончался. Въ концѣ концовъ я дошла до точки. Ничѣмъ я не могла удовлетворить своего начальника — все не такъ... Примѣрно двѣ недѣли послѣ Владыкиной смерти, послѣ своихъ утреннихъ молитвъ я подошла къ его портрету, который виситъ недалеко отъ моего кіотика, и говорю ему: “Сегодня послѣдній день моихъ мученій, пускай мой начальникъ только пикнетъ, я ему передамъ ключи и тутъ же уйду”. Немного подумавъ, еще добавила: “Теперь Вы мнѣ звонить не можете, уговаривать тоже не можете и вообще ничего сдѣлать не можете”.

Довольная собой, я хлопнула дверью и ушла. На работѣ сижу и жду, когда онъ пикнетъ. И ключи держу въ рукѣ. Около 10-ти явился мой начальникъ, подошелъ ко мнѣ и попросилъ къ себѣ въ кабинетъ. Закрылъ две-

ри и проситъ сѣсть. Я съ радостью подумала: “Ну вотъ, меня выгоняютъ. Ура!” Онъ опустилъ глаза и началъ передо мной всячески извиняться за свою раздражительность, просилъ прощенія, ссылаясь на то, что онъ подъ сильнымъ давленіемъ. Затѣмъ благодарилъ меня за мое терпѣніе и за отличное исполненіе моей работы. Заявилъ, что написалъ нашему начальству исключительную рекомендацію и сказалъ: “Таня, я далъ Вамъ исключительную оцѣнку”. Въ награду онъ пожаловалъ мнѣ 100 долларовъ въ мѣсяцъ прибавки. Я остолбенѣла и потеряла даръ рѣчи, кое-какъ дотащилась до своего письменнаго стола. Затѣмъ мой начальникъ куда-то ушелъ. Пришелъ черезъ часъ и принесъ мнѣ большой букетъ красныхъ розъ. Я сразу вспомнила Владыку. Вы помните, какъ онъ любилъ розовое масло, любилъ умащать имъ иконки, св. Плащаницу, особенно крестъ и даже нерѣдко свою бороду. Я считаю это чудомъ, хоть это исключительно частнаго характера. Черезъ три мѣсяца послѣ этого разговора моего начальника перевели въ другой штатъ, а мнѣ сдѣлали большое повышеніе. Такого повышенія у насъ ждутъ годами. Я теперь помощница главнаго начальника нашей фирмы и каждый день благодарю Господа и Владыку. Мой теперешній начальникъ спокойный, вѣрующій, за каждую мѣлочь благодарный, ко всѣмъ отзывчивый, вообще лучше придумать нельзя. Причемъ это послѣднее повышеніе я получила сравнительно недавно, но до этого, конечно, были постепенные

повышенія въ теченіе года. Опять должна добавить, что при назначеніи на теперешній постъ я тоже получила отъ своихъ сослуживцевъ розы.

Послѣ Владыкиной смерти я часто служила по немъ панихиды. Послѣ одной изъ такихъ по своемъ уходѣ изъ храма меня остановилъ самъ батюшка, нынѣ покойный Петръ Мочарскій, и сказалъ: "Подождите, подождите, я дамъ Вамъ съ собой букетъ изъ моего садика". И самъ нарѣзалъ мнѣ дивный букетъ розъ.

Владыка всегда радовался, особенно когда я причащалась. Вотъ Великимъ постомъ въ этомъ году послѣ причастія иду домой и на дорогѣ вижу, лежитъ у моихъ ногъ совершенно свѣжій букетъ розъ, когда я подходила къ своему дому. Можетъ, это обстоятельство покажется незначительнымъ. Объ этомъ судить не могу. Могу только сказать, что для меня они — явное чудо.

Искренне уважающая Васъ,

Татьяна Вихлянцева.

4. ПИСЬМО ИЗЪ РОССІИ

Дорогой о Господѣ собратъ О. Борисъ!

Нѣкоторое время тому назадъ мнѣ передавали Требникъ, изданный въ 1928 году въ Чехословакіи, въ Ладоміировѣ, по благословенію Русскаго заграничнаго Синода. Прибавлю къ этому — трудами тогда подвизавшагося тамъ Вл. Виталія. Въ Синодѣ же предсѣдательствовалъ Владыка Антоній (Храповицкій), съ котораго нѣкогда писалъ Достоевскій своего Алешу

Карамазова, и среди старшихъ архіереевъ былъ Владыка Ѳеофанъ Полтавскій, духовный отецъ и старецъ учившагося тогда на богословскомъ факультетѣ (на самомъ младшемъ курсѣ) Сашеньки Таушева, потомъ Архимандрита Аверкія (надпись его на Требникѣ), потомъ Владыки Аверкія, рукоположившаго Васъ въ санъ іерея Божія, учившагося въ тѣ годы сначала въ русской гимназіи въ Софіи, въ Болгаріи, а потомъ на богословскомъ факультетѣ Софійскаго университета, не такъ ли, я не ошибаюсь?

Вмѣстѣ съ нимъ мы слушали однихъ и тѣхъ же профессоровъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ храмѣ въ Софіи молились Богу — онъ подлѣ своего старца и духовника Владыки Ѳеофана, а я подлѣ своего, Владыки Серафима, постриженика въ монахи Владыки Ѳеофана и его духовнаго сына еще изъ Петербурга. Много пережито вмѣстѣ съ нимъ, съ рукоположившимъ Васъ Владыкой. Я Вамъ сказалъ о Владыкѣ Антоніи и Достоевскомъ. Если бы Достоевскій жилъ позже и встрѣтилъ на своемъ пути Вашего Владыку, когда мы съ нимъ были вмѣстѣ, то онъ бы съ него писалъ бы Алешу Карамазова. Хотя надо сказать, что тогда бы Алеша въ очень многомъ уступилъ бы своему образу, Сашенькѣ Таушеву.

Онъ пошелъ въ монастырь, отправился къ Владыкѣ Виталію. Въ 1934 году я былъ рукоположенъ во священники. Въ 1950 г. по благословенію своего духовнаго отца, Владыки Серафима Соболева, переѣхалъ сюда. И вотъ уже 25 лѣтъ настоятельствую въ одной

церкви въ Москвѣ, въ Николо-Кузнецкой. Въ Софіи рукоположенъ былъ въ Свято-Никольскомъ храмѣ, гдѣ начиналось у насъ обоихъ служеніе Церкви.

И вотъ теперь у меня Требникъ, переданный Вами для какого-нибудь священника въ Россіи. Хочу Вамъ сказать, что мои сослужители собратья были поражены, когда я имъ показалъ этотъ Требникъ и сказалъ, что послѣ моей смерти они будутъ имъ пользоваться, но очень бережно, памятуя, кому онъ первоначально принадлежалъ. Поражены были потому, что когда Владыка Аверкій умеръ и мы узнали объ этомъ, то въ нашемъ храмѣ мы стали поминать его за каждой литургіей по субботамъ и воскресеньямъ. Записали его имя въ свой церковный помянникъ. И такъ какъ поминали его на возгласахъ, то и весь нашъ приходской народъ молился и продолжаетъ и сейчасъ молиться о немъ. И вдругъ получаемъ какъ бы отъ него самаго нѣкій даръ черезъ Васъ, дорогой нашъ собратъ о Господѣ.

Будемъ теперь и о Васъ молиться, о Вашемъ служеніи Церкви Божіей, дабы оно протекало такъ какъ должно, о всяческомъ Вашемъ благополучіи и Вашихъ близкихъ. Прошу и Васъ о томъ же.

Съ любовью о Христѣ,

Прот. Всеволодъ Шпиллеръ.
Москва. 31го Іюля 1976 г.

Содержаніе

Святитель Аверкій Джорданвилльскій

О. Германъ (Подмошенскій)

Вотъ былъ человѣкъ тихости! Невозмутимое спокойствіе души, благодушное упованіе на вездѣсущее Божіе присутствіе, на Его святую волю. Конечно, въ немъ была скорбь, видѣлъ онъ печальную долю отсутствія памяти Божіей въ нашемъ суетномъ мірѣ, но скорбь эта растворялась въ сострадательной любви къ ближнимъ. И частыя орошенія его глазъ свидѣтельствовали, что душа его умилялась. Его внутреннее спокойствіе отражалось благотворно на его собесѣдникахъ – «смирялись душевныя тревоги», темпъ понижался, и волнующія душу темы казались болѣе терпимы – утихомиривались. Говорятъ, что стоило ему пройти своей мирной походкой, вѣтеръ утихалъ, листва болѣе не шумѣла...

Такой человѣкъ былъ посланъ Богомъ и былъ среди насъ суетныхъ, страстныхъ, близорукихъ чтобы увидѣть повседневность духовными очами, чтобы утихомириться и настроиться на предстоящую всѣмъ намъ духовную брань. Какъ его старецъ Арх. Ѳеофанъ Полтавскій давалъ примѣръ быть миротворцемъ, такъ Вл. Аверкій можетъ послужить намъ въ утихомиренье въ преддверіи исихазма.

Библиотека
журнала
"Русскій Паломникъ"